

Вестник
Рязанских
краеведов

~~Rm~~
~~Wash~~

Phi
15763

we 129

91/470/
Ц.39,

5-й 1924 г.

Январь.

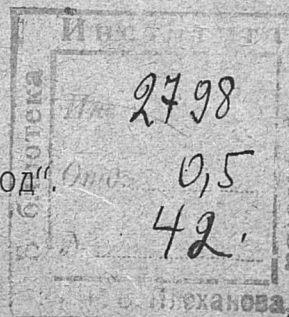
ВЕСТНИК Рязанских Краеведов

ЖУРНАЛ

Общества исследователей Рязанского края.

Издательство „Красный Восход“.

Касимов, Ряз. губ.
1924.

О г л а в л е н и е.

	СТР.
<i>Н. М.</i> К двадцатипятилетию со дня смерти Я. П. Полонского.	1
<i>А. Ф. С. Д.</i> Яхонтов	2
<i>Н. Березжков.</i> С. Д. Яхонтов во главе Губархива.	3
<i>Н. Лебедева.</i> Предварительный отчет об этнографических ра- ботах в Сапожковском уезде	5
<i>А. Мансуров.</i> К восстановлению границ Касимовского кремля.	9
<i>Н. Ключарев.</i> Состояние сельского хозяйства в Ряз. г.	13
<i>Д. Солодовников.</i> Из жизни русского барства начала XIX в.	17
<i>С. Сальхин.</i> Село Рясы, Спасск. уезда	20
Хроника	22
Библиография	27
Анкета. Одежда крестьянского населения	29

Трагическая весть о смерти Владимира Ильича Ленина была получена, когда половина настоящего журнала была уже отпечатана.

Тяжелым камнем упала она на сердца всех деятелей Русской Науки.

Помимо величайших заслуг перед Русской и международной революцией, Владимир Ильич был истинным другом науки и знания и употреблял все усилия к тому, чтобы распространить свет знания в самые толщи народной гущи.

А мы, краеведы, ведущие упорную работу по исследованию и изучению тех научных богатств, которые на каждом шагу нас окружают,—стремящиеся перенести науку из кабинетов ученых в тысячи народных лабораторий—потеряли в лице Владимира Ильича величайшего руководителя, вдохновителя и дорогого вождя.

Вестник Рязанских Краеведов.

№ 3—1924 г.

О Р Г А Н
Общества Исследователей Рязанск. края.

Январь.

К двадцатипятилетию со дня смерти Я. П. Полонского.

(18 октября по стар. ст. 1923 года).

Двадцать пять лет исполнилось со дня смерти замечательного русского поэта, рязанского уроженца Якова Петровича Полонского.

Близко и дорого имя его каждому рязанцу, а тем более рязанцу — краеведу.

Он родился в городе Рязани 6 декабря 1820 года, здесь же провел он свое детство — учился в 1-й Рязанской мужской гимназии. Дом, где он жил находится на бывшей Николо-Дворянской улице, теперь улице его имени. И хотя большую часть своей жизни он провел вне Рязани, все же мысль о родном городе не оставляла его.

С 5 мая 1888 года, Я. П. состоял действительным членом Рязанской Ученой Архивной Комиссии, он горячо приветствовал 800-летний юбилей г. Рязани, пожертвовал в Рязанский музей многие из своих фамильных документов и вещей и наконец завещал похоронить себя в родной рязанской земле. Умер он

18 октября 1898 года, в 11^{1/2} час. утра. Рязань с достоинством проводила в могилу своего славного земляка.

И вот прошло четверть века с тех пор.

Его стихи вошли во все школьные хрестоматии, многие из них положены на музыку, многие проникли в народ и распеваются и в городах и в селах.

Общество исследователей Рязанского края устраивает торжественное заседание, посвященное памяти Я. П. Полонского. Социально-историческим отделением о-ва составляется библиография его произведений и литературы о нем. Составляется также подробная его биография. — Все усилия о-ва будут положены на то, чтобы с честью почтить память дорогого поэта — возложить венок на его могилу.

Н. М.

С. Д. Яхонтов,

(К исполнившемуся 70-летию со дня его рождения).

1-го января 1924 года исполнилось 70 лет со дня рождения С. Д. Яхонтова. Редкий рязанец не знает этого имени. Жизнь и деятельность этого человека настолько была ярка, что трудно было не заметить ее горения. По своей подготовке педагог-историк С. Д. Яхонтов не вложил всей своей силы в одни грани педагогической работы. Его мысль так пылливо-беспокойно пульсировала, что для успокоения ее нужно было расширять объем интересов, дабы эта мысль не сделалась бы смертоносной для ее носителя.

И С. Д. Яхонтов с самых первых лет своей деятельности выходит на широкую дорогу, которая в наше время называется „краеведческой“.

Условия провинциальной русской жизни для такого выступления дают благодатно мучительный простор; благодатный—потому, что любая область неисчерпаема и нетронута в исследовании, и мучительный—вследствие того, что разбрасывание во все стороны в результате дает не углубление в избранной области знания, а распыление и дилетантизм. Нужна великая энергия и громадная воля, чтобы не случилось последнего. С. Д. Яхонтов всей своей жизнью и плодами своей работы показал, что он владел и тем и другим. Его знания в археологии, истории Рязанского края, сведения в древне-русском искусстве нашли свое применение когда, во-первых, был основан музей б. архивной комиссии и, во-вторых, и особенно при возникновении и росте нынешнего отдела древне-русского искусства Рязанского областного музея, носившего не так давно наименование „древлехрамилница“. Последнее создано исключительно силами и волею С. Д. Яхонтова.

Тот интерес, который ныне так значителен в своем проявлении к русскому художественному творчеству минувших веков немногим времени исчисляет в своей истории. В этом отношении С. Д. Яхонтов является одним из родоначальников этого интереса в Рязанском крае. Чуткость С. Д. Яхонтова, так сверкающе выявившаяся в тех памятниках старого русского искусства, которые собраны его многолетней деятельностью в музее, показывает всю остроту его влюбленного взора в ушедшую красоту народных творений.

Волны революции вывели на свои гребни много такого ценнейшего материала, что спасти, схватить его с этих гребней являлось самой насущной необходимостью, чтобы сохранить его в целости для шествующего нового владыки народа. И в этом случае С. Д. Яхонтов оказался на высоте своего положения; ни преклонный возраст, ни тяжелые условия работы не останавливали его в этом деле спасения. Музей—тому живой свидетель, а еще более того архив, громаднейшее учреждение—создание революции и исполнителя ее воли в этом случае С. Д. Яхонтова.

Положив свои силы на учреждение музея б. архивной комиссии, основав „древлехрамилница“ и собрав туда громадные ценности историко-художественного значения, создав архив, С. Д. Яхонтов тем самым обрисовал не только перед родным Рязанским краем, но и перед всем русским народом свое лицо, полное горячей любви к этому народу, жажды знания и проявления силы к творческому созиданию.

А. Ф.

С. Д. Яхонтов во главе Губархива *).

Глубокоуважаемый и дорогой Степан Дмитриевич!

Позвольте приветствовать Вас в день вашего семидесятилетия от лица ваших теперешних и прежних сотрудников по Губархиву. Нам, вашим прежним сотрудникам, особенно очевидно громадное, исключительное личное ваше значение в деле спасения архивов Рязанской губернии в годы революции.

Ровно пять лет тому назад, почти день в день, в пору жесточайшей архивной и всяческой разрухи, приступили Вы, по поручению центра, к организации архивного ведомства в нашей губернии и стали во главе его. Бесжалостно приведенные в хаотическое состояние, архивы таяли неудержимо. Казалось, еще немного, и исчезнет навсегда самая возможность научного, основанного на архивных материалах, изучения прошлой жизни Рязанского края. Задача—преодолеть эту разруху, спасти архивы, была задачей колоссальной трудности; временами казалось—задачей безнадежной. Работать приходилось при невероятно тяжелых условиях материальных и моральных.

И с самого начала Вы приняли лично на себя львиную долю труда, заботы и ответственности. На вас легли целиком вся собственно-организаторская работа и все действительное руководство архивным делом губернии, во всех его сторонах, во всех его деталях. Вы взяли на себя все сношения с учреждениями и должностными лицами,—при тогдашней степени внимания к нуждам архивного дела! Всем в культурной Рязанщине известный и столь многих знающий, Вы взяли на себя привлечение сотрудников по всей губернии. И во всей тяжелой повседневной работе архива Вы были всегда первый и главный. В архиве и для архива Вы были и организатор, и руководитель, и секретарь, и переписчик, и разборщик дел, и носильщик, и

плотник. Как будто не было у Вас за плечами седьмого десятка лет; как будто не существовало для Вас тех невозможных условий жизни, которые так отвлекающе и понижающе влияли на работу ваших сотрудников.

Для архива у Вас не было различия служебного и неслужебного времени. Днем—работа, не покладая рук, в архиве и в местах нахождения архивных материалов, транспортирование архивных материалов, хлопоты в учреждениях, всюду поспевая, без жестокости, без резкости, но настойчиво и со строгим соблюдением достоинства своего дела. Вечером—переписка по архиву, для которой не хватало времени днем. А ночью,—ночью думы об архиве, для которых не хватало времени днем и вечером. Не раз Вы утром приносили нам решение, созревшее ночью.

Не всегда ваше решение вполне соответствовало настроению ваших сотрудников, возмущенному творившимся вокруг вандализмом. Но не было, кажется, случая, чтоб ваше решение, продиктованное глубокой жизненной мудростью, не было потом оправдано жизнью, не оказалось наиболее соответствующим, при существовавших условиях, действительным интересам архивного дела.

Тревогу и боль о том, что творилось с архивами, Вы испытывали уж наверное не меньше каждого из нас. Но никогда не теряли Вы бодрости, не проявляли уныния. Когда становилось уж очень тяжело, шуткою—яхонтовскою шуткою—прикрывали Вы свою тревогу и боль.

Все это время для вас почти не существовало собственной исследовательской работы; от нее Вы отказались, ею Вы пожертвовали, чтоб отдался делу спасения того, над чем будут работать другие, длинный ряд будущих поколений исследователей,—высшее самопожертвование со стороны ученого.

Яхонтовых не так много в Рязанщине, чтобы архив мог монополизировать Вас,

*) Речь, произнесенная на торжественном чествовании С. Д. Яхонтова 31 декабря 1923 г.

Степан Дмитриевич. Но в архиве и для архива Вы работали так, как дай бог работать всякому, кто имел бы возможность безраздельно посвятить себя одному делу.

Менялся состав ваших сотрудников. Менялась организация губархива. Менялось его положение в системе губернских учреждений. А Вы неизменно оставались на своем посту, верный взятому на себя «делу чести».

Иногда заговаривали и Вы, что пора уйти, что Вы скоро уйдете. Слушали мы, и,—простите, Степан Дмитриевич,—думали: нет, пока дела столько, Яхонтов от дела не уйдет.

Если основная, внеочередная, единственная научная задача, стоявшая минувшие годы перед всеми лицами, прикосновенными к изучению прошлого, задача спасения памятников прошлого,—если можно смело сказать, что эта задача, в Рязанской губернии, в отношении наиболее легко уничтожимых памятников, памятников архивных, разрешена, несмотря на невероятно тяжелые условия, в общем удовлетворительно, то Рязанский край и русская историческая наука обязаны этим Вам, Степан Дмитриевич,—вашей беззаветной любви к старине, вашей самоотверженной преданности общественному делу, вашей неослабной энергии, всем тем вашим качествам, как работника, которые известны всем, кто знает Яхонтова.

Над архивными фондами Рязанской губернии предстоит громадная археографическая и историческая работа; этой работы хватит на много поколений, ей не видно конца; это будет работа над тем, что спасено *Вами*. Архивное ведомство далеко еще не преодолело, и не могло при теперешних условиях преодолеть, всех преград на пути к спокойному и нормальному развитию; Рязанскому Губархиву предстоит еще очень

длинный путь развития и совершенствования; это будет развитием организации, созданной *Вами*. На каждом шагу своей деятельности рязанские архивисты и историки, пока будут существовать архивисты и историки рязанские,—будут пользоваться плодами вашей деятельности, будут с благодарностью вспоминать о Вас.

Но значение того, что Вы сделали за эти пять лет, далеко выходит за пределы научных интересов Рязанского края и к Рязанскому краю. При современной широте заданий исторической науки, при современной строгости ее требований относительно документальной обоснованности ее утверждений, при современной изощренности ее методов, широкое развитие исследований по *краевой* истории, основанных на тщательнейшем изучении громадного исторического, в частности архивного материала, является необходимой предпосылкой, необходимой основой трудов по истории *народа*. Каждый научно выполненный труд по истории *края*, даже маленький, есть вклад в историю *народа*. Ваша громадная заслуга перед делом исторического изучения Рязанского *края* есть громадная заслуга перед наукою истории русского *народа*.

Мы твердо надеемся, Степан Дмитриевич, что еще долго-долго Вы будете возглавлять созданное Вами рязанское архивное ведомство и руководить его деятельностью.

Сменить Яхонтова легко, заменить его нельзя. Но и то, что Вы уже сделали за эти пять лет вашего заведывания рязанским архивным ведомством, не побледнеет по своей значительности ни перед одной из других основных ваших заслуг перед Рязанским краем и перед делом познания прошлой жизни русского народа.

Н. Березиков.

Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском у. Ряз. г. летом 1923 г.

Задуманная 2 года тому назад поездка по Сапожковскому уезду наконец осуществилась. В авг. 1923 г. я провела систематическое изучение Сапожковского уезда в этнографическом отношении. Не имея никаких средств для этого путешествия, получив лишь 4 дюжины пластинок от областного музея и 55 арш. ситца на приобретение экспонатов для Рязанского губмузея, я принуждена была совершить это путешествие одна, пешком, только $\frac{1}{3}$ уезда удалось мне обехать, воспользовавшись волостными подводами, разрешение на которые выхлопотало мне Сапожк. Уоно, которому и приношу самую искреннюю благодарность, иначе моя работа не могла бы быть законченной. Стояла отератительная погода. Постоянные дожди и вязкая черноземная почва уезда, создавали такие условия, что по несколько дней приходилось сидеть в одном селе, не имея возможности передвигаться в соседний населенный пункт.

Мне очень хотелось провести систематическое исследование крупного района. Отрывочные сведения, которые приходилось получать общ. иссл. местн. края от живущих на местах, разрозненные, меня не удовлетворяли. Мне кажется, что Ряз. общ. иссл. местн. края пора уже поставить главной своею задачею систематическое изучение губернии в этнографическом отношении, разделив эту работу между отдельными уездными и волостными обществами, и отдельными лицами, снабдив их нужными указаниями, чтобы этим самым скорее приблизить момент, когда бы могли сказать: "губерния наша изучена в этнографическом отношении", как недавно с гордостью заявили Касимовцы по отношению к своему уезду. Собирающие же отрывочных сведений случайного характера, когда сообщают об одной части одежды, а другую упускают из вида, хорошо лишь, как ориентировка

для постановки тем исследования, но и только. Темы для систематического исследования возможно брать по уездам (принимая во внимание старое дореволюционное деление; я говорю о дореволюционном делении потому, что им пользуется ряд музеев, для него есть карты, и его деления чаще совпадают с делением на этнографические группы). Темы можно брать и по бассейнам рек. Для Ряз. губ. очень заманчивыми очердными темами являются изучение этнографических явлений по р. Раново, Проня, рекам целиком принадлежащим Рязанской губ., захватывающим ряд уездов. Возможно при систематическом изучении брать темы и более узкого характера—исследовать один замкнутый этногр. фич. район. Тем, кому приходилось исследовать этнографические явления на местах, те хорошо знают, как рельефно и ярко вырисовываются эти районы, отличаясь от окрестных сел одеждой, жилищем, говором и т. д. Хорошими темами могут быть: Курша, Мелехово Касимовского уезда, Бгословщина Михайловск. уезда, однодворческий район Сап. уезда (угол между Парой и Вердой). Мною был выбран Сапожковский уезд по многим причинам: 1) это один из отдаленных уездов от г. Рязани, о нем очень мало знали: один костюм, 2 головных убора в Рязгубмузее, на удачу приуроченные к этому уезду, отрывочные сведения анкеты 1890 г., хранящиеся в архиве О. Л. Е. Г. А. Э., немного сведений в архиве географического общества, вот все сведения об этом уезде, разрозненные, неполные, но в то же время, обещающие богатую жатву; 2) уезд захолустный—средняя часть уезда в 40 верстах от железных дорог, уезд хлебо-родный, женское население уезда мало знакомо с отхожими промыслами, это обещало хорошую сохранность старины; 3) уезд относится к Мещерской стране Рязан. края; топографические названия,

остатки цокания в говоре (сведения Кузнецова в его исторической географии, Зеленина в его книге Великорусские говоры стр. 337 и 318) указывали на остатки Мещеры. Мне казалось, что детальное изучение быта, подкрепленное позднее археологическим материалом, должно пролить свет на племенной состав населения; 4) уезд колонизировался на виду истории, поэтому следы колонизации можно уловить удачнее и детальнее, подкрепив их письменными памятниками, что могло бы дать устойчивый материал для колонизации степной полосы Ряз. края. Вопросы при исследовании были поставлены: 1) проверка списков населенных мест, 2) сведения по истории села, главным образом о времени возникновения, 3) план села, 4) одежда, 5) жилища. Главное внимание было сосредоточено на 4 и 5 вопросах. Между прочим, собирались сведения о средствах передвижения, орудиях производства, об опахивании и обрядовом печении. При описании этнографических явлений по обще-принятому образцу имелось в виду: 1) установить и изучить основные формы, типичные для данной местности, 2) с исторической точки зрения выяснить время, появления того или другого этнографического явления; обращалось особенное внимание на всевозможные влияния и на пережитки и 3) определить географ. распространность этнографических явлений, что необходимо для районирования уезда в этнограф. отношении.

Маршрут путешествия имел в виду, главным образом, течение р. Пары, ее правый и левый берег. Я доехала на пароходе до Шилова Спасского уезда, прошла через Ибердь, Желудево, Авдотинку до границы Сапожковского уезда, собирая по пути этнограф. материалы—это мне казалось не лишним для решения вопроса—существуют ли этнограф. границы между Сапож. и Спасск. уездом. Эту границу приходится отодвинуть значительно северней границ Сапож. уезда. Далее исследовала дер. Поляки, Черная Слобода, Лашмановку, Песочную. В последней я задержалась довольно долго: в волсовет удалось получить списки населенных мест, планы всех деревень волости. От свящ. Ягодина богатую церковную летопись, пролившую

свет на историю заселения волости, от старушки Сапфировой (род. 1848 г.) богатый материал по одежде и жилищу данного района, с точными указаниями постепенных изменений за всю ее жизнь. Здесь же удалось найти остатки Засечного Городка, через Василевку—в Кривель—новый этнографический район, богатый археологическими памятниками, богатый по разнообразию орнамента на бранках и затканках. Здесь интересная долбленная лодка на Паре, и особый тип старинной сохи. Через село Красное и Красный угол в новый этнограф. район: Морозовы Борки, Сапчаково, Можары. Население боится меня, сведения дает неохотно: старухи не идут сниматься, заявляя, что после снимания—умрешь. Приходится потратить несколько дней, чтобы получить достаточное количество материала. Особенно интересны в этом районе головные уборы, и женские сапоги Мордовского типа. На время простилась с Парой, взяла путь к Западу (южнее должен был начаться совсем своеобразный, однодворческий район), через дер. Донки (переселенцы из Данковского уезда) достигла г. Сапожка. Дер. Донки дала интересную картину вырождения основных типов быта деревни, затерянной среди чуждого ей быта, живущей осколками прежних воспоминаний, потерявшей все яркое индивидуальное, усвоившей безразличное и безымянное от соседних сел. Сапожок с его пригородными слободами порадовал богатством материала по костюму и оригинальными временными летними постройками „кроватями“. Базарные дни г. Сапожка дали возможность собрать материал, не посещая многих окрестных волостей. Здесь же на базаре я получила точное указание об одном виде одежды, который я тщательно искала по всему Сапожковскому уезду. Это „пониток“ мужская и женская одежда, имеющая иногда ритуальное значение. Пользуясь указаниями посетителей базаров, удалось определить село, где она сохранилась в более древних формах. Пришлось идти в деревню Новокрасную Слободу (колонию Самодуровки), где удалось ее приобрести для Рязгубмузея. Деревня Уда (колония Черной речки) через которую пришлось идти в Новокрасную Слободу и Новокр.

Слобода интересны, как колонии, сохранившие лучше своих метрополий старину. В деревне Новокрасной Слободе удалось собрать особенно обильный материал по жилищу, благодаря любезному содействию местной жительницы Позрикордовой.

Предполагалось спуститься к югу от Сапожка и далее взять путь на восток через однодворческий район на правый берег Нары, подняться к северу до с. Чучково и этим окончить путешествие, но пришлось путь изменить. В конце августа в Сапожке назначен был съезд учителей, на котором предложено мне было сделать доклад по собиранию этнограф. материала. Считая необходимым создание этнограф. отдела при уездном музее, а также этнографич. архива, зная сколько драгоценных деталей сведений могут дать местные люди, получив руководящие лишь указания, желая проверить свои собранные сведения, я решила пожертвовать стройностью выработанного маршрута, временно оставить юго-западную часть уезда и отправиться в однодворческий район. Здесь я посетила Телятниковскую, Напольновскую, Андреевскую, Ягодновскую волости, получила исчерпывающий материал по одежде однодворцев, (особенно интересен женский головной убор „чепец“) интересный материал по жилищу, богатый археологический, реконструктивный материал, даже удалось достать копию с документа о времени возникновения села Мордово, ранее интриговавшего меня своим названием (отмежевано в поместье однодворцу с. Ягодное в 1778 г. Никите Реутову по р. Мордовке). Спешно проехала Романово Дарковскую и Путятинскую волость.

Глушь... Окончательно испортившаяся погода, бандиты по дорогам и лесам, недостаток времени (нужно было спешить на съезд в Сапожок) все это помешало мне достигнуть Чучковской волости, которая меня так давно манила, но в отношении которой Рязанское Общество изучения местного края уверяло о налаженности сношения с ней и даже ненужности ее посещать. После съезда в Сапожке посетила юго-западную часть уезда. Особенно интересный материал получила в д. Александровке, (женские рубашки с окошеч-

ками, как пережиток рубах с длинными рукавами, на верху которой было отверстие, чтобы просовывать руку и завязывать рукава сзади, когда нужно было выполнять хозяйственные обязанности) и дер. Самодуровка, давшая интересный материал по временным глинобитным избам в форме землянок, соединенных с двухскатным шалашом, говорящим о возможности регресса в этнографических явлениях под влиянием нужды и недостатков обычного строительного материала. Через с. Ухолово Рязск. уезда и Рязск, по железной дороге я вернулась в Рязань.

Какие же результаты путешествия?

1) Составлен точный список населенных мест для 11 волостей. В южных волостях уезда приходится отметить новое интересное явление — рост мелких поселений в связи с общим переделом земли в волости. Появляется ряд хуторов под именем: Ленинский поселок, Заря свободы, Ясная Поляна, Советская Поляна, Хутор Просвет, коллектив Успех. На ряду с этими названиями фигурируют местные прозвища: Брежаловка, Нахаловка, Чирьевка, Завертяловка, данные местным населением тем хутором, выселение которых было невыгодно односельчанам.

2) Составлено около 30 планов сел. Все деревни, недавно образовавшиеся большею частью помещичьи, расположены вдоль прямой улицы. Села старинные, о которых местное население говорит существуют „спокон века“, представляют из себя ряд концов, разбросанных по отдельным буграм (это относится главным образом к некоторым однодворческим селам) или с центральной площадью и радиусами отходящими от нее улицами (очень мало).

3) По вопросу о времени возникновения сел материалы собирать было весьма трудно, в волостных архивах буквально ничего нет: часть уничтожена во время погромов 17 года, или бандитами в южной части уезда, (Андреевская волость), или же материал вывезен в уездный архив (Печочинская волость), который не разобран и воспользоваться которым нет никакой возможности. В церковных летописях удавалось получить сведения о времени возникновения сел, но не ранее 17 в. Собрано ряд пре-

данных и устных свидетельств о времени возникновения сел, которые требуется проверить документальными данными. Снята копия с одной однодворческой грамоты, дающей точные сведения о времени возникновения с. Мордова.

4) Собранный материал по одежде должен лечь в основу работы „крестьянская одежда Ряз. края“. Обработка материала тормозится отсутствием капитальных работ по этнографии великороссов и малым количеством сравнительного материала „с паспортом“ в музеях России. По отношению одежды описаны, сняты, некоторые приобретены новые типы одежды неизвестные ранее в этнографии великороссов (пониток, головной убор „чепец“ однодворческого района, представляющий сочетание рогов с кокошником, головной убор деревни Александровки, представляющий новую форму рогов). Подробно описаны все разновидности мужской и женской одежды по всему уезду. На основании этого описания, весь уезд можно разделить на 2 крупных района: 1) угол между Вердой и Нарой, 2) остальная часть уезда. Первый характеризуется однодворческим типом одежды, встречаемым в Тамбовской губ.: красные, полосатые женские юбки, корсетки, шубки с белкой, фартук, надеваемый по талии—застилка, белые без всякого украшения шушпаны, рубахи с прямыми поликами и откладным воротником, янтарные бусы. У мужчин поддевки, рубахи без всяких украшений и в старину шапки „гречневники“, 2-й район характеризуется черными „завоями“, (черные анучи „повилы“, которые носят в Курше, Касим. уезда и которые распространены в Пензенской губ. у Менцеры, а также и в Чувашеской области), лаптями с курками (встречаются у Пензенской мордвы), синей клетчатой поневою, нагрудниками, шушпанами с богатыми затканками и головными уборами, в основе которых лежат рога, а в мужском костюме—рубахами с примитивно прорезанным воротом, роскошно убранными по рукавам затканками и кружевами (близкие к мордовским рубахам Пензен-

ской губ.). Из 2-го района приходится выключить дер. Донки и Марфинку переселенцев из Данков. уезда и дер. Поляки, Дегтяно — Ворковской волости переселенцев из Витебской губ. 2-й район по разнообразию клеток в паневе, по рубахам с косыми или прямыми поликами, по форме головных уборов может быть подразделен на 12 подрайонов. Такая пестрота костюма возможно объясняется поздней колонизацией края, а общая основа в костюме всех 12 подрайонов возможно подтверждает мнение Зеленина о колонизации Сапожковского уезда местным засекским населением. Собрано около 50 разнообразных узоров, вышивок и затканок очень близких к узорам Куршинского района Касимовского уезда и узорам Менцеры Пензенской губ.

5) Изучение построек с исторической точки зрения было сопряжено с целым рядом затруднений: больше 15—20 лет изба не стоит, быстрая строительная деятельность последних лет уничтожила старый тип построек. Однако, удалось установить для целого ряда пунктов северно-великорусский тип двора и избы упреждающий в область предания. Уезд разделен на 2 района, соответствующий делению на основании одежды. Отмечено сильное влияние юго-восточной избы и двора. Изучен новый тип избы пятистенки, делающей натиск на старый тип изб, заполонивший деревни настолько, что местные жители начинают уверять, что существует „исконя“. Собран большой материал для решения вопроса—является ли пятистенка явлением заносным или результатом эволюционного развития обычной крестьянской избы. Собран материал по временным постройкам (землянках-шалахах, летних кроватях и т. д.). Отмечено 3 типа риг, с установлением точной границы их распространения. Весь материал по жилищам послужил основанием доклада в Обществе исследователей Рязанского края, сделанном 4-го января 1924 года.

Н. Лебедева.

К восстановлению границ Касимовского кремля *).

Прежде чем говорить об интересующем нас предмете, мы вкратце историю Касимова.

Годом основания его называют 1152, а основателем его Юрия Долгорукого. В начале Касимов назывался городцом Мещерским, затем Низовым городом и только с 15 века Касимовом.

Городец Мещерский был основан на высоком мысе, образуемом между течением реки Оки и Бабенки и при ее впадении в Оку. Нет сомнения, что в то время речка Бабенка была довольно многоводной и поэтому городец находился в относительной безопасности, т. к. был защищен с двух сторон течением рек, а с третьей непроходимым дремучим лесом, в то время покрывавшим место расположения современного Касимова.

В 1376 году городец Мещерский был уничтожен и обращен в пепел монголами, а через некоторое время вместо него был основан „Низовый город“ на расстоянии 600 саж. выше по течению Оки в том месте, где сейчас находится Собор, Народный театр и проч. В половине 15 века, после того, как Низовый город был отдан во владение Казанскому царевичу Касиму, он стал именоваться Касимовом. К этому же времени относится возникновение „Татарской Слободы“ место, которое мы называем Татарской горою.

Почему же „Низовый город“ был построен не там, где был прежде городец Мещерский. Трудно с положительностью ответить на этот вопрос, но можно предполагать, что новое местоположение „Низового города“ более отвечало стратегическим требованиям, т. к. здесь город был более неприступным. Может быть современным Касимовским жителям это соображение покажется странным, но не надо забывать, что назад тому

пятьсот лет весь берег Оки был сплошь покрыт непроходимыми лесами, а современный Успенский и Никольский овраги были, повидимому, больше и глубже, чем сейчас. Еще теперь многие старожилы помнят время, когда Никольский овраг простирался во всю Сennую площадь и, надо думать, что сотни лет назад он был еще длиннее. Так вот между этими двумя оврагами и расположился Низовый город. В старых рукописях говорится, что он имел „деревянные стены, башни и ворота, земляные осыпи высокого вала и глубокие рвы между крупных оврагов“. Будучи построен в четыре стены, город имел вид неправильного четырехугольника, при чем с одной стороны ему служили естественною защитой склоны Успенского, а с другой Никольского оврага, которые оставалось только несколько приспособить к военным целям. Только с двух сторон перпендикулярно к оврагам земляные укрепления надо было делать целиком. С течением времени Касимов разросся и не мог весь поместиться внутри городских стен. Образовались слободы: Ямская, Татарская, Пушкарская (около церкви Георгия). Новый Посад (за Никольским оврагом), а центральное место города, обнесенное стеной, образовало городской кремль, о восстановлении границ которого и идет речь.

Первым документом, на основании которого мы можем говорить о Касимовском кремле, являются писцовые книги 1627 г. В них описывается городская стена этого времени. Из них мы узнаем, что вокруг города была обнесена деревянная стена на протяжении 526 саж. В этой стене было 2 ворот и 6 башен. Нет сомнения, что эти деревянные стены довольно скоро ветшали и за свое трехсотлетнее существование (XV—XVIII век) не раз горели и много раз перестраивались. Так, например, после пожара 1670 года они были вновь отстроены в

*.) Доклад, читавшийся на 2-м Рязанском областном съезде краеведов 5 окт. 23 г.

лучшем виде: город был рублен уже не в одну, а в две стены, с 10 башнями, при чем главная Спасская достигала вышины 11 саж. Стена была вышиною от земли 4 саж. Правда, общая длина ее сократилась. Она тянулась всего на 430 саж. Неизвестно по каким причинам (от ветхости или по случаю пожара) в 20 годах XVIII века т. е. лет через 50 после ее постройки, стена эта вновь перестраивалась, постройка производилась „посошно“ и все Касимовцы были тяжело обложены для ее постройки. Одних бревен надо было собрать и вывести до 22000. Говорят, что во время проезда Петра Первого через Касимов, местные посадские люди обратились с нему с просьбой—освободить их от постройки стены и Петр дал им это разрешение. т. к. в то время уже никакой надобности в укреплениях Касимоване предвиделось. Да и существовавшие прежде укрепления только один раз отслужили службу во время „Смутного времени“, когда Касимов был на стороне самозванца и воевода Шуйского Шереметьев, идя из Муром, взял Касимов приступом, правда после долгого сопротивления.

Итак, со времени Петра Первого Касимовские стены остались не достроенными, а впоследствии при разбивке плана города, земляные укрепления и насыпи были заровнены и застроены домами обывателей.

Имея данные о местоположении и размере прежних укреплений, мы можем постараться восстановить границы Касимовского кремля и найти остатки земляных укреплений.

Конечно, о совершенно точном восстановлении границ кремля говорить не приходится, и наша задача сводится, главным образом, к другой цели—отысканию остатков бывших земляных укреплений.

Сопоставляя документальные данные о Касимовских стенах, от 1627 и 1673 г. (первые по писцовым книгам Воейкова и Ракова и вторые по книгам Касимовского городского дела), мы уже видели, что в 1627 г. общая длина стен была 526 сажень, а в 1673 г. — всего только 430. После перестройки кремль уменьшился в своих размерах. Повидимому и форма его значительно изменилась. Говоря круглыми цифрами, отношения меж-

ду каждой из кремлевских стен (в саженьях) выразилось так: 40 саж., 143, 190 и 153 для 1627 года и так: 56 саж., 111, 102 и 127 для 1673 года. Надо думать, что и земляные укрепления перестраивались в зависимости от изменения размеров и расположения стен, однако, можно предположить, что в некоторых своих частях они совпали с новым планом города и остались без изменения. Но во всяком случае, для нашей цели—отыскания остатков бывших земляных укреплений приходится иметь в виду последние данные, дошедшие до нас,—именно указания „книг Касимовского городского дела“. Из них мы можем почерпнуть сведения о длине каждой стены, но для восстановления плана кремля необходимо было бы кроме того знать и углы, образуемые стенами. На этот счет указаний нет решительно никаких, если не считать дошедшие до нас некоторые старинные планы города, на которых иногда очерчивалось то место, где приблизительно стояли кремлевские стены. Но эти указания никак не могут служить нам более или менее верной опорой в деле отыскания границ кремля. Пропорционально длина стен на этих планах не соответствует вышеприведенным отношениям, да и детали разных планов не сходятся. Но все же эти планы оказались полезными потому, что показали где приблизительно следует искать остатки земляных укреплений. Не совпадая в деталях—все они указывают на то, что две стены шли вдоль склонов успенского и никольского оврагов, а две другие пересекали город там, где сейчас улица Луначарского и в другом месте несколько ниже каменных рядов на Соборной площади. В этих местах и были предприняты разыскания.

К сожалению, вопросом этим до сих пор никто не интересовался, и даже известный наш историограф Касимова И. С. Гагин, при упоминании о Касимовском кремле ограничивается сообщением, что после генерального межевания все земляные укрепления были сравнены с землей и застроены домами обывателей. И этими сведениями более ста лет довольствовались все местные историки и археологи, не думая, что до нашего времени уцелели хотя бы некоторые остатки исторического памятника. Однако,

мы убедились в противоположном. При рытье водопроводного канала близ дома Смирновых на пересечении Советской улицы с улицей Луначарского недавно были обнаружены остатки сгнивших столбов и много угля. Ясно, что после разбивки плана города, т. е. после генерального межевания среди улицы никаких построек быть не могло. Естественное предположение, что в данном случае мы имели дело с остатками кремлевской стены подтвердилось тем, что производя приблизительные измерения в направлении указанном в плане, мы натолкнулись на земляное возвышение, тянувшееся вдоль склона Успенского оврага как раз там, где должна была проходить стена. Естественно, что земляное укрепление не могло сохраниться посреди улицы и во дворах обывателей, застроенных домами и службами, но вполне понятно, что на краю оврага в самой глубине задворок Аляничовских владений, образующих заброшенный пустырь—не было нужды выравнивать почву и по этому там оно относительно сохранилось. Если наблюдать с противоположной стороны оврага со спуска от Старой Мечети, то хорошо видно все земляное возвышение, идущее из сада б. женской гимназии и Слетовский двор и дальше в сад б. мужской гимназии (прежние владения Аляничовых). В переулке между зданием женской гимназии и Слетовским домом видно довольно большое возвышение, которое прерывается построенным флигелем и потом вновь продолжается в указанном направлении. Используя этот остаток земляного укрепления как опорный пункт в наших разысканиях и произведя соответствующие измерения, мы обратили внимание на уступ почвы ниже каменных рядов, который отделяет их от Благовещенской площади. И измерения и

старинные планы указывают, что как раз в этом месте была кремлевская стена, и надо полагать, что и уступ этот частично сохранился потому, что эта часть Соборной и Благовещенской площади была и незастроена и незамощена и, таким образом, не было необходимости совершенно сглаживать почву.

Таким образом, с двух сторон мы обнаружили остатки земляных укреплений бывшего кремля, но дальнейшие наши поиски оказались тщетными. Впрочем, так и должно было быть. Там, где проходила третья стена, сейчас стоят дома и надворные постройки обывателей, а на месте четвертой стены простирается улица Луначарского.

Ясно, что ни посреди улицы, ни на дворах граждан не могли сохраниться ни рвы, ни валы.

Но желая подтвердить в своих предположениях, что найденные нами бугор вдоль склона Успенского оврага и уступ около Благовещенской площади действительно являются остатками кремля, мы произвели обмер предполагаемых нами границ кремля, сделав допущение, что указанные земляные возвышения принадлежали кремлю. Результаты почти совпали с размерами кремлевских стен, но оказались несколько большими. И это обстоятельство может служить вторым подтверждением наших догадок, т. к. стены должны были находиться внутри вала, и, таким образом, мы неизбежно должны были получить такие результаты.

На основании этого, мы берем на себя смелость прибавить к известным нам историческим памятникам Касимова, описанные выше остатки земляных укреплений бывшего кремля.

А. Мансуров.

Условные
знаки:

Граница
кремля.

Склоны
оврагов.

Обнаружен-
ные остатки
земляных
укреплений

ОКД

ОБЪЯСНЕНИЯ. Настоящий план бывшего кремля скопирован с чертежа Гагина. Как показано в условных знаках, пунктиром обозначены границы кремля. Прерывающие пунктир неровные черные линии показывают обнаруженные предполагаемые остатки земляных укреплений. Справа—склоны Успенского, а слева—Никольского оврагов.

Состояние сельского хозяйства в Рязанской губернии *).

В условиях мировой и гражданской войны сельское хозяйство Рязанской губернии постепенно регрессировало. Отлив значительного количества рабочих рук из деревни за годы мировой войны, неблагоприятное влияние продразверсток, а также два неурожайных засушливых года (1920—21) вполне объясняют тот упадок крестьянского хозяйства, который к началу 1922 года, признавался всеми, как кризис сельского хозяйства губернии.

Если мы обратимся к цифровым данным, характеризующим важнейшие элементы сельского хозяйства губернии за эти годы, то мы ясно увидим размер и значение этого кризиса.

По данным земского обследования земельных угодий площадь их для губернии в современных границах определялась в количестве 3.932.000 десятин, из которых 2.255.000 десятин приходилось на долю пашни. При повсеместном правильном трехполье в губернии посевная площадь в довоенное время занимала, приблизительно, около $\frac{2}{3}$ вышеуказанной площади пашни, т. е. около 1.403.000 десятин.

Такую же цифру посевной площади в губернии дает и сельскохозяйственная перепись 1916 года, по данным ко-

торой посевная площадь определялась в 1.414 т. десятин.

Но уже в 1917 году размер посевной площади губернии подвергся значительному сокращению. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года размер посевной площади определился в количестве всего 1.380.000 десятин.

К 1920 году посевная площадь сократилась до 1.050.000 десятин и к 1922 году — упала до 971.000 десятин.

Если мы возьмем довоенную посевную площадь, или что тоже площадь переписи 1916 г. за сто, то размер сокращения посевной площади в относительных величинах представится в следующем виде:

1916 г.	1.414	100,0
1917 г.	1.380	97,59
1920 г.	1.050	74,26
1921 г.	1.028	72,70
1922 г.	971	68,67

Если мы обратимся к цифровым данным характеризующим состояние животноводства в губернии, то и в этой области мы отметим довольно значительный упадок за указанные годы. По переписи 1916 г. было зарегистрировано всего голов скота около 3.500.000. К 1922 году общая величина стада сократилась до 1.655.000 голов.

При чем по отдельным видам скота сокращение было далеко не равномерно:

*) Доклад, читавшийся на 2 Областном Рязанском Съезде по краеведению.

	Лошади.		В т.ч. раб. взр.		Круп. рог. ск.		Мол. кр. р. ск.		ИТОГО.	
1916	478	100	364	100,0	372	100	112	100	728	—
1917	490	102,51	384	105,49	366	98,36	118	105,35	704	96,70
1920	362	75,73	302	82,96	356	95,70	48	42,85	496	68,13
1921	318	66,52	265	72,80	333	89,51	48	42,85	605	69,37
1922	282	58,99	255	70,05	345	92,74	48	42,85	517	71,02

	Овцы.		Свиньи.	
1916	2008	100,0	360	100,0
1917	1759	87,60	418	116,11
1920	887	44,17	165	45,83
1921	798	39,74	129	35,83
1922	747	37,20	107	29,72

Значительно сократилась также такая мелкая отрасль крестьянского хозяйства, как птицеводство. Так, например, за период времени с 1920 по 1922 год количество кур в хозяйстве уменьшилось более чем на 50%.

В связи с сокращением посевной площади и уменьшением количества скота необходимо отметить крайне низкие урожаи хлебов, которые с одной стороны обуславливали упадок сельского хозяйства губернии, с другой стороны и вызывались им.

Средний валовой сбор ржи, который колебался по пятилетиям с 1903 по 1917 года в пределах от 40 до 56 пудов на десятину, в пятилетие 1918 - 1922 года спустился до 35 пудов.

Средний валовой сбор овса колебавшийся в указанные пятилетия от 42 до 49 пудов понизился за пятилетие 1918 - 1922 г. до 34 п.

Но помимо общего снижения уровня хозяйства за указанные годы произошли значительные изменения и в направлении сельского хозяйства. Здесь необходимо отметить те изменения, которые произошли в пропорции культур.

Соотношение культур.

	Рожь.	Овес.	Просо.	Греча.	Карт.	Бобы.	Масло	Проч.
1916	46,7	30,2	6,6	1,7	8,1	1,6	2,1	3,0
1917	48,5	31,3	6,9	1,6	6,6	1,6	1,3	2,3
1920	55,8	18,3	14,2	1,2	6,7	1,3	1,4	1,1
1921	52,8	20,2	15,6	1,4	6,0	1,3	1,6	1,1
1922	53,7	11,7	21,1	1,7	8,2	1,4	1,1	1,1

Преобладающей культурой среди полевых посевов является рожь. В 1916 году под рожью было занято около 47% всего поля. Этот крайне высокий процент ржи к 1922 году еще более увеличился и достиг почти 54%. Но зато значительно сокращению подверглась площадь под овсом, которая в 1916 году составляла около 30% всего поля, а к 1923 году снизилась до 12% и значительно раза в три с 7% от 21% увеличилась площадь под просом. Греча, посевы которой в общем по губернии незначительны, сохранила свое место среди других культур, составляя в 1916 и 1922 г. 1, 7%. Сохранил свое место и картофель, площадь под которым составляла как в 1916, так и в 1922 году около 8% всей посевной площади. Несколько уменьши-

лись посевы под бобовыми (с 1, 6 до 1,4) и значительно под масличными (1 2,1 до 1,1).

Мы закончили наш анализ 1922 годом.

Каково же состояние сельского хозяйства в данном году и каковы тенденции его развития. Произошел ли в текущем 1923 году сдвиг в сторону оздоровления сельского хозяйства губернии и каков размер этого сдвига.

Результаты 50% го выборочного обследования крестьянских хозяйств в 1923 году дают некоторую возможность ответить на поставленные вопросы.

Новая экономическая политика и сравнительно высокий урожай 1922 года произвели значительное улучшение в состоянии сельского хозяйства губернии.

Посевная площадь 1923 года достигла цифры в 1213000, т.е. недосев по сравнению с 1922 годом сократился с 443.000 десятин до 201.000.

По отношению к довоенной посевной площади, площадь посевов в 1923 году составляла 85 7%. По некоторым уездам, как например, Данковскому, Елатомскому, Касимовскому, Спасскому, Раненбургскому, Рязжскому, Скопинскому посевная площадь в 1923 году сравнялась с посевной площадью 1917 года, а по уездам Рязжскому и Рязанскому почти достигала довоенной. И лишь по уездам Зарайскому, Пронскому, Михайловскому и Сапожковскому, в особенности, по последнему уезду, посевная площадь в 1923 году еще не достигла площади 1917 года.

Таким образом, можно констатировать определенный сдвиг в сторону оздоровления сельского хозяйства, хотя еще далеко не изжиты последствия военного и революционного периода.

За 1923 год произошли некоторые, хотя и не особенно значительные изменения в пропорции культур, свидетельствующие о том, что сельское хозяйство начинает выпрямлять свое направление, приближаясь к довоенному соотношению культур.

	1916 г.	1922 г.	1923 г.
Рожь	46,7	53,7	50,6
Овес	30,2	11,7	15,8
Просо	6,6	21,1	16,3
Греча	1,7	1,7	2,0
Картофель	8,1	8,2	9,7

Бобовые	1,6	1,4	3,5
Масличн.	2,1	1,1	0,8
Проч.	3,0	1,1	1,3

Площадь под рожью, увеличившаяся за 7-летие 1916—1922 г.г. с 46,7 до 53,7 в 1923 году дает 50,1%. Начинают увеличиваться посевы под овсом, хотя увеличение это по сравнению с 1922 годом составляет всего на всего 4,1% и площадь под ним все еще составляет лишь около половины (45%) довоенной площади. % посевной площади под просом по сравнению с 1922 г. сократился на 4,8. Но что крайне интересно, значительно увеличилось даже по сравнению с 1916 годом % посевов под картофелем (с 8,1 до 9,7%) и бобовыми (с 1,6 до 3,5). Площадь под картофелем в 1923 г. несколько увеличилась даже по сравнению с довоенной площадью (с 114,3 до 118,0 т. д.), а площадь под бобовыми увеличилась почти в 2 раза (с 22,6 до 42,0 т.).

В отношении состояния скотоводства также произошел некоторый сдвиг в сторону улучшения.

	1916 год.	1922 год.	1923 год.	
Лошадей всего	478	282	291	60,9-103,2
В т. ч. раб. воз.	364	255	261	71,7-102,4
Круп. рог. скот	725	517	580	80,0-112,2
В т. ч. коров	372	345	342	91,9- 99,1
Мол. в 1 г.	112	48	69	61,6-143,8
Овец	2008	747	1159	57,7-155,2
Свиней	360 т.	107 т.	125	34,7-116,8

Количество лошадей увеличилось по сравнению с 1922 годом всего на 4%, почти осталась без изменения цифра числа коров, но зато в сильной степени увеличилось количество молодняка крупного рогатого скота старше 1 г., почти на 44%, количество овец (на 55%) и увеличилось число свиней на 17%.

Однако, как и в отношении посевных площадей, то, что оказалось разрушенным в течение ряда лет, нельзя восстановить в один год,—количество скота далеко еще не достигло тех цифр, которые мы имели в 1916 году.

Количество лошадей в рабочем возрасте составляет лишь 70% того количества, которое имелось в 1916 г.

Молодняк крупного рогатого скота, который дал увеличение по сравнению с 1922 годом на 44% составляет по отношению к 1916 г. всего на всего 62%.

Для овец этот процент составляет 58, а для свиней 35%.

Потребуется ряд лет и большие усилия со стороны, как самого населения, так и государственной власти, чтобы изжить этот, как мы называли в самом начале, кризис сельского хозяйства. ибо, несмотря на некоторые тенденции к улучшению сельского хозяйства, объективно оно находится на очень низком уровне развития.

Достаточно посмотреть на наши урожаи, которые, при крайне низком их уровне, подвержены еще весьма сильным колебаниям, как по времени, так и по отдельным районам губернии.

Так, по земским данным за 20-летие 1903—21 года урожай ржи в среднем определялся в 44,7 пуд. с десятины, в то время, как в Германии и в Голландии в среднем собирается около 120 пуд., а в Бельгии даже около 140 пуд. на десятину.

Если мы разгруппируем цифровые данные о высоте урожая за указанный период времени по 5-летиям, то увидим, что средние урожаи за 4 пятилетия 1903—21 г. колебались в пределах от 34 до 50 пудов на десятину.

По отдельным же годам колебания урожая уже значительно больше.

По данным Отдела Научной Методологии Центрального Статистического Управления амплитуда колебаний урожая ржи в Рязанской губернии составляет от 45 до 165% в среднем к урожаю для северной части губернии и от 40 до 180 для южной.

Конкретные же цифры дают колебания за указанное 20-летие в пределах от 21,6 до 67,5 пудов на десятину.

По отдельным же уездам средний сбор ржи с десятины за указанное 20-летие колебался в пределах от 39,5 до 52,3 пуда на десятину.

Такую же приблизительно картину дают данные об урожаях овса. Средний урожай овса за 20-летие 1903—21 г. определялся в количестве 45 пудов на десятину.

Погодные же колебания составляют от 14,3 до 69,4 пудов на десятину.

Все это показывает, что мы еще не в достаточной степени овладели стихийными силами природы в области земледелия и в значительной степени исполь-

зуем не плодородие почвы, а ее богатство.

Низкие урожан в значительной степени обуславливаются крайне низкой техникой полеводства, в частности техникой обработки почвы.

Здесь мы приведем лишь один пример степени обеспеченности населения усовершенствованным сельско-хозяйственным инвентарем. По данным весеннего опроса крестьянских хозяйств у населения губернии имелось всего на всего 40,3 т. плугов и 177,5 борон с железными зубьями, на 459 000 хоз. и 260 т. сох.

В среднем на хозяйство не приходится даже по одному орудию вспашки и на 10 хоз. приходится меньше одного плуга.

В связи с низким уровнем полеводства стоит и низкий уровень животноводства.

Достаточно привести такой пример. Территория Рязанской губернии составляет около 38.811 кв. вер. В текущем году было зарегистрировано 580 т. крупного рогатого скота, 1159 т. овец и 124 т. свиней. В Дании при территории гораздо меньшей (34.186 кв. кил.) имеется крупного рогатого скота 2.286 т. шт., овец—504 и свиней 1.008 т.

В среднем на 100 хоз. в губернии приходится в данный момент 57 рабочих лошадей, 45 шт. коров, 142 взрослых овец и всего на всего 17 свиней.

При чем колебания по отдельным уездам составляют на каждые сто хозяйств для лошадей от 45 до 68 шт., для коров от 57 до 109 и для овец от 97 до 175.

В связи с низким уровнем двух основных отраслей сельского хозяйства: полеводства и животноводства стоит и низкий уровень обеспеченности населения сел.-хоз. продуктами. В среднем по губернии на 1 душу сельского населения за 9-летие 1914—1923 год приходилось чистого сбора всех хлебов и картофеля в переводе на рожь всего на всего 17,82 пуда, причем за 1923 год чистый сбор определился всего в 15 пудов на душу.

Особенное внимание, в данный момент, должно быть обращено на поднятие техники сельского хозяйства и проведение такой экономической политики со стороны всех заинтересованных государственных и общественных организаций и учреждений, которая стимулировала бы усиление хозяйственной деятельности самого населения и создавала бы благоприятные для нее условия.

Но совершенно очевидно, что всякое вмешательство в экономическую жизнь только тогда будет целесообразным и действительным, когда оно будет опираться на предварительное изучение того круга экономических явлений, на характер и темп развития которых мы хотим оказывать влияние.

Заканчивая свой краткий доклад, позволю себе выразить надежду, что со стороны работников общества по изучению местного края будут приложены усилия к такого рода изучению родной губернии и вопросы изучения экономической действительности не ускользнут из поля их зрения.

Н. Ключарев.

Из жизни русского барства начала

XIX в. *)

В длинной веренице представителей русского барства конца 18 и начала 19 века одним из наиболее ярких, сочных лиц, несомненно, является „петербургский крез“ Всеволод Андреевич Всеволожский, отголоски шумной жизни которого сохранились и в Рязанской губ.

В одном из красивейших рязанских дворянских гнезд-имении Ермолова „Большая Алешня“ Рязского у. в башне около барского дома до последнего времени находился вотчинный архив этого имения. За свое продолжительное существование Алешня сменила несколько владельцев; от некоторых из них оставались разные документы, деловые бумаги и лежали все вместе. Так как одно время это имение принадлежало Всеволожским, то в его архиве оказалось и несколько дел, связанных с В. А. Всеволожским и его наследниками — дела С.-Петербургской действительного камергера Всеволожского домовою конторы и попечительства над имением д. ст. сов. Н. и Ал. Всеволожских. Этих дел немного; охватывают они всего на всего несколько лет, и очень скудные это дела! в них нет праздничная блестящая сторона пышной жизни, в них скучные, серые будни — взыскания, долги, просьбы уплатить деньги, тяжбы, счета. И кого только тут нет! И титулярная советница Усова, и астраханский 3-й гильдии купец Яков Обезьянинов, и крестьянка села Рождественского Авдотья Кошыхова, и дальше, дальше — длинная вереница претензий. Вот претензия каретника Петра Иохима, вот счета штукатуру, обойного мастера, столяра и печника — они отделивали петербургскую квартиру Всеволода Андреевича на Галерной улице в доме Зиновьевой, штукатурили новую переборку, исправляли штукатурку, клали новые печи, исправляли старые; вот счет токаря

Доклад, заслушанный в социально-историческом отделении общ. исслед. Рязанского края.

Вейсенберга — он полировал черепаховую табакерку, чинил серебряный „дыгарочник“, чистил черешневый чубук, полировал 5 бильiardных шаров; вот счет портного Афанасия Леонтьева: он представляет иск в 2036 р. «за делаемое собственнo для гардероба генерала платье, а также и для дворовых людей: делал он Всеволожскому плафор зеленый на меху, фуфайку на меху с пуговицами, сертуки, жилеты, брюки; здесь и счета портнихи жены Осипа Поджарова, которая сшила 24 полотняных наволочки, 6 простынь, 6 полотенец и шпотапала и чинила белье, и счет художника Григория Соболева на 1915 руб. за написание 5 образов, 6 портретов, за раскрашивание литографированных портретов и поправку 23 картин; а вот и счета из магазинов: счет на отпущенные из лавки Бобикова с 1-го апр. по 12-е число мая 1836 г. 250 пшеницы и 10 ф. кедровых орехов, счет из магазина Саркиса Богосова на отпущенные с 19-го апр. по 17-е мая 5 ф. американского табаку, и особенно длинные, подробнейшие счета С.-Петербургского купца Михаила Коносова на забираемые от него напитки и столовые вина с июня 1831 г. по 25-е янв. 1835 г. Эти счета — целый преис-курант: чего только тут нет! и джин голландский, и ром ямайский, и „англинский“ портер и рейн-вейн, и гостотерн, и шатолафит, тут и Бимоф и Вендеграф и Гобарзан, сиракузское вино, и мальвазия, мальвазор, мускатлюнель и тинтаротти, дрей мадера, красное португальское, шабли и шампанское, и сладкая водка и зельтерская вода, и все это в огромном количестве: напр.: 5 авг. 1831 г. взято было 50 куб. шийнов зельтерской воды, 14 декабря — 60 бутылок шампанского и 60 бутылок английского портеру, 7 окт. 1831 г. — 274 бутылки шатолафиту и 50 бут. Бишову. С июля 1830 г. до мая 1831 года взято было вина и разных напитков на 4147 р. Все это говорит нам о блестящей жид-

ни, о жизни на широкую ногу. И в самом деле Всеволожский был очень богат. Сохранилось, между прочим, дело попечительства над имением действ. статск. советников Никиты и Александра Всеволожских о займе из Петербургского Опекунского Совета 3½ мил. руб. серебром под залог имений. В этом деле есть данные, из которых видно, что в имениях Всеволожского, уже сильно поистраченных наследниками, оборотный капитал был в 1574.794 р. По этой сумме можно судить о размере состояния Всеволожского, которое при его жизни было, конечно, гораздо больше.

Огромное состояние давало возможность жить широко и проявлять в немалой степени самодурство. Всеволожский, напр., тратит сотни тысяч на оранжереи, чтобы иметь удовольствие поздравить императрицу Марию Федоровну с новым годом, поднося ей на золотом блюде только что сорванные персики, ананасы и виноград; в своем имении под Петербургом на мызе Рябово он устраивает упомянутые праздники, особенно в день рождения 24 октября. В книге Касьяна Касьянова „Наши чудодеев летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода“ есть описание одного из таких праздников 24 октября 1822 г. В Рябово на этот праздник съехалось гостей более 500 человек, и все они были размещены в 160 комнатах Рябовского дома так, чтобы привычки и обычаи каждого гостя не встретили ни малейшего стеснения. Праздник продолжался трое суток, и чего только не было тут! и прогулки в экипажах и верхом, и костюмированные турниры, и карусели в Рябовском манеже, на которых выезжали рыцари в латах, и роскошный обед с разварным осетром, полученным по почте с Урала: огромный осетр подав был целиком в паровом котле, котел был обернут множеством салфеток, несли его четверо дюжих кухонных мужиков, одетых в белые, как снег, русские рубахи. Были на празднике и театральные представления с живыми картинками и пением французских романсов, стихов в честь хозяина, патриотических песен на 1812 г. и т. п., играли собственные крепостные актеры и актрисы Всеволожского, составлявшие довольно многочисленную труппу; эти же актеры были певчими в домаш-

ней рябовской церкви, и музыкантами во время балов. За спектаклем был поставлен пролог, который разыгрывали родственники и близкие знакомые хозяина, за прологом шло представление в лицах шарад, загадок, каламбуров и пр.; был на празднике и фейерверк, и французский ресторан, и ярмарка с масками в национальных костюмах и, наконец, сельский праздник. Во время ужина в столовой то и дело появлялись различные персонажи в костюмах один другого забавнее и замысловатее: шатался около столов какой-то господин с красным носом и шутовском наряде с надписью *gastrogome ambulante*, он допивал у гостей недопитые рюмки, доедал об'едки; тут же несколько старых французских эмигрантов—в шитых шелковых и глазетовых кафтанах, в розовых чулках и башмаках со стразовыми пряжками и с напудренными париками, они важно нюхали табак и толковали о временах регентства и Людовика XVI.

Личность Всеволожского, однако, не исчерпывается одним самодурством и роскошными праздниками. Он в то же время человек деловой, с большим и широким кругом своих предприятий и начинаний. В Рябово у него не только оранжерея для выращивания зимних ананасов и персиков, там у него и литейный завод, он делает всевозможные сельско-хозяйственные опыты: осушает болота, затевает свеклосахарный завод около Петербурга и, затратив невероятные деньги, достигает своей цели; у того же купца Коносова, у которого он покупает вина и напитки, покупается для него и дрожжи, как видно по примечанию на счете „для опытов виноделия“. В 1813 г. он основывает в компании с Поливановым фарфоровый завод в сельце Елизаветине Богородского у. У него огромные предприятия и на Урале. В Рябово он поселился только с 1818 года, до этого времени он, повидимому, увлечен своими заводскими предприятиями, проявлял в них, как и во всем, широкий размах. У него и золотые прииски, и рыбные промыслы, и суконные фабрики, и горные заводы. Уже после его смерти, когда его дело было расштатано наследниками, в 1844 г. на промыслах и заводах Всеволожских было произведено изделий на 1.470.377 р.

Всеволожский зорко следит за всеми усовершенствованиями техники за границей и старается применять их у себя в деле. Он, например, первый стал успешно применять английский способ выделки железа, ввел освещение газом, пытался разрабатывать каменный уголь на Урале, открыл в уральских степях золотоносные россыпи, устроил и ввел в волжском судоходстве конные машины, известные под названием Пуадобаровских, и, наконец, в 1815 г. устроил первый пароход в России.

В архиве Алешни сохранилось, между прочим, любопытное судебное дело, по поданной от г. Соболевского, бывшего на пермских заводах в качестве химика, претензии в Пермский совестный суд. „Титулярный советник П. Г. Соболевский „состоял в Петербурге в казенной службе“, а в свободное время „упражнялся в химии, физике и механике“. Последнее обстоятельство, надо думать, привело его на Пожевский завод Всеволожского, где он и „состоял при химических испытаниях и других поручениях“. Повидимому, от него ожидали многого и многое ему обещали, а на деле обе стороны обманулись: Соболевский оказался плохим изобретателем, а Всеволожский не дал ему тех золотых гор, которые обещал. Началась тяжба: Соболевский требовал денег, Всеволожский упирался. Чем кончилась эта тяжба, в деле не видно. Важно однако не это, а то, что именно Петр Григорьевич Соболевский занимался сооружением первого парохода в России, или, как его называли, „парового бота или стимбота“ в России. Сохранились письма, в которых описываются некоторые подробности этого сооружения. Пароход строился на Пожевском заводе и был окончен в июле месяце 1816 г. в промежутке между 18 и 25 июля; 23, 24 и 25 июля происходили испытания его паровой машины, а 23 июля сделан был опыт испробовать машину с водяными колесами: этот опыт оказался неудачным: „лишь только надвинули муфту, колесо поворотилось с чрезвычайным стремлением, бот надвинуло носом на другую сторону и судно обмелело“. 24 июля с пароходом вышли на Каму, но лишь только хотели итти, судно попало на мель и половина дня прошла, пока могли его свезти. Всево-

ложский предполагал, что пароход успеет попасть в Нижний-Новгород к Маркарьевской ярмарке, но его расчеты не оправдались: пароход не мог пройти за мелководьем; он оказывается шел „8 четвертей в грузу“, а там, где ему нужно было итти были места с водой не более 5 четвертей.

Говоря об этом первом в России пароходе, надо отметить еще то, что при его сооружении Всеволожский воспользовался рисунками некоего Свинына, заплатив ему за них 2000 руб.

В жизни „Петербургского Креза“, как современники называли Всеволожского, была не одна только блестящая сторона кипучей деятельности и безумной роскоши; в деле о претензии Соболевского есть намеки на такие явления, от которых веет мрачным бессердечием, жестокостью. В одном из своих писем к брату Всеволожского—Николаю Андреевичу—Соболевский, между прочим, угрожает написать и подать всеподданнейшее прошение, в котором, по его словам, он мог „представить разительную картину, изобразив помещика-сibarита, утопающего в распутстве, между тем как крестьяне его едва не умирают с голоду и во весь год не имеют двух недель свободных для своих нужд“. „Я видел—говорит он дальше—как отчаянные матери сажат детей в баню и зажигают ону, дабы не видеть детей своих погибающих от голода, видел, как разоряют дома их и побоями принуждают строить новые, слышал, как управляющие посылают ремесленников хлебать уху из пруда в то время, как сами приходят у них просить хлеба“.

К сожалению, в архиве Всеволожских нет данных, которые дали бы возможность раскрыть эти намеки и подробно обрисовать эту сторону жизни Всеволожского; но уже и намеки много говорят о том, чего стоили народу затеи русского креза и предпринимателя.

В. А. Всеволожский умер в 1836 г. Умирал он был все таким же тароватым барином, каким прожил всю жизнь: завещал целому ряду лиц и пенсии и единовременные пособия.

„Земная моя жизнь отныне продолжаться будет в вас, дети“, сказал В. А., расставаясь с детьми в последний раз. Дети его продолжали его жизнь только

в одну сторону: они любили и умели широко жить и тратить деньги и совершенно не имели того духа предпринимательства, который был характерен для тех, кто в то время занимался торговлей.

Чуждость, каким в такой высокой степени обладал их отец.

Д. Солодовников.

Село Рясы Спасского уезда Рязанской г.

Село Рясы расположено в 8 верстах от Старо-Рязанского городища, в юго-восточном направлении, по большой дороге Шацкого тракта.

Название села — памятник седой старины. Слово „Ряса“ перешло к нам от племен финского происхождения, обитающих в нашем краю. Оно обозначало в переводе на наш язык: „низкое болотистое, не проезжее, покрытое мелким искривленным лесом, место. Ряса является корнем слов Рязань и Рязск. Кроме того, слово „Трясица“ произошло тоже от корня Ряс. Местность, где расположено село, является наглядным подтверждением сказанного. Расположено оно в котловине. Всюду мелкие, теперь высохшие болота. Непроезжей она была — пока земство не построило по селу гать.

Большая дорога раньше проходила на полверсты выше к югу. Перенесение дороги было дело рук одного из местных помещиков, который ради своих выгод перенес ее. Он не постеснялся для этого срыть историческое кладбище. Местность кладбища была продана крестьянам и теперь заселена. Следы же, в виде костяков торчащих в обрыве правого берега речки Стрелицы, видны и по сие время. Они находятся около моста через речку.

В Спасском музее находится оригинальный натальный крест с указанного кладбища, он в вершок величины, а в центре сердце.

Название речки произошло, вероятно, от стрел лука, а близость Ряс к столице дает право предполагать, что оно входило в укрепленный район княжества, а быть может здесь даже заготавливались стрелы.

Немного выше по речке, находится превосходный по качеству участок полевой земли, на котором в громадном количестве изобилуют исторические черепки. Кроме того, при срытии пруда, был

найден небольшой кувшин, который сделан без гончарного круга и относится к средней поре железной эпохи. Настоящее дает право заключить, что на указанном месте было селение еще до Батыева нашествия. Кувшин находится в Спасском музее.

По историческим документам с. Рясы упоминается в книге большого чертежа „... В 1520 году в 16 день марта В. К. Василием Ивановичем на имя игумена Романа дана грамота, которою Терехову монастырю пожалованы с. Тереховское, Селивановское на устье Ряс, да Верхние Рясы...“. Основание Тереховского воскресевского монастыря не известно. Время упразднения его относится к 1764 году. Оставшаяся по упразднению монастыря церковь было перенесена в 1775 году в с. Терехово.

По церковным книгам с. Рясы и по сие время значится „Верхние Рясы“.

Село раньше было расположено не в настоящем направлении. Местность Старых Ряс находится на так называемом „Аграмоковском болоте“, т. е. за „рыгами“ поселка Аграмоковой, где до 1919 года стояла старинная, в виде каменного столба часовня. В 1919 году граждане сломали ее, а кирпич употребили на запруду плотины.

Настоящих потомков Старых Ряс осталось очень незначительное количество, домов 10, так называемых „коницких“ (экономических); куда выселены были остальные не известно. Остальные же жители собраны из разных мест и разными помещиками. Село имеет несколько поселков и все они называются по помещикам владевшим ими. Но два поселка, а именно Аграмоково и Торжки получили названия по другим причинам. Аграмоково расположено, вероятно, на том месте где паслись „Аграмаки“ (кони).

Местность впереди поселка называется „обложным лугом“, хотя и полевой участок. Обложенный—значит огороженный. Название коней „Аргомаки“, а поселка „Аграмоково“ схоже за исключением перестановки буквы „г“.

Кому принадлежали кони, пока является загадкой, но, вероятно, одному из двух—Рязанскому князю или Прокопию Ляпунову; как тот, так и другой жили в 8 верстах от Ряс. (Прокопий Ляпунов жил в с. Исадах).

Другой же поселок Торжки образовался от переселенцев из Торжковского уезда, которых помещик Ржевский вывез оттуда. Во время переселения они вывезли молодое дерево сосну, которую по приезде посадили. Сосна цела и до настоящего времени, хотя и находится уже не на поселке Торжки, а в саду бывш. помещика Смирнова, в виду того, что поселок оттуда был выселен на большую дорогу. Сосна является исключительным экземпляром по своему могуществу.

В часовне села имеется старинная церковная утварь: деревянный подсвечник, плащаница и др. На колокольне имеется колокол со следующей надписью: „1768 года Переяславского уезда Рязанского, Старо-Рязанско стану, нагорной стороны, в с. Верхние Рясы, в церковь Чудотворца Николая, весу 29 пудов“. На крестах церкви короны, что дает жителям рассуждать, что здесь жил князь. По другим версиям здесь венчался тайным браком, кто-то из князей, а быть может и царей. То и другое имеет под собою некоторую почву. Князь, действительно, жил. Это видно из дарственной грамоты потомкам Прокопия Ляпунова. Дер. Стерлигово принадлежала князю Дулову, а Стерлигово тогда была рядом с Рясами. Что касается другой версии, то она также, возможно, связана с действительностью.

В книге Архимандрита Иеронима „Рязанские достопримеч.“ отмечено, как событие: „1711 года декабря 22 или 27 дня преосвященный Стефан Рязанский с государыней царевною Екатериною Ивановною крестил у Ивана Петровича Измайлова младенца мужского полу“. Царевна Екатерина Ивановна родилась

1691 г., была в замужестве за Карлом-Леопольдом герцогом Макленбург-Шверинским, умерла в 1733 г. Владения Измайловых исстари находились при с. Рясах и потомки их до самой революции были хозяевами Рясской церкви. Настоящее дает право думать, что эта легенда верна, если посмотреть нравы и жизнь царского двора того времени. Но с кем она была повенчана, неизвестно. Но исходя из того, что кумом был Стефан Яворский, а кумой царевна, тут есть какая-то связь.

В селе еще не так давно имели место суеверные предрассудки и обряды. В 1860 годах в поселке Аграмоковой был падеж на рогатый скот. Жители, что бы избавиться от смерти скота, опахивали деревню, для чего ночью вырягали девушек в соху, с распущенными волосами, одетых во все белое. Парни правили сохой, а молодые вдовы несли иконы впереди. Вся эта процессия сопровождалась криками: „Смерть, смерть, не ходи к нам, мы тебя занашем, заплчем, захаркаем!“ и при этих словах плевали в сторону откуда могла прийти смерть. Следы от этой операции заметны по сие время на Аграмоковском выгоне, в виде круга с крестом внутри. Это начало и конец линии опашки.

Другой обряд наблюдался, да может быть, продолжается и теперь. Он так же перешел к нам с незапамятных времен. Заключается он в следующем: новорожденного младенца несут в лес, там раскалывают кляньями молодой дуб и в образовавшееся отверстие протаскивают младенца, с таким расчетом, чтобы рубашка осталась в отверстии, которую потом, по изгати кляньев, зажимает дубом. Делают это один для того, чтобы ребенок был крепок как дуб. Другие гадают, т. е. если дуб будет расти после этой операции, то и ребенок будет жив, а если наоборот, то умрет. Третьи просто чтобы меньше плакал.

Много еще в наших селах исторических ценностей, легенд, сказаний и т. д. и все они основаны на некоторых данных, но нет людей их разгадать, или, вернее, есть наш русский непробудный сон.

С. А. Сальхин.

Х Р О Н И К А.

Памяти Владимира Ильича Ленина.

Тяжелая утрата в лице Владимира Ильича Ленина, постигшая нашу Республику, вызвала поток глубоких сожалений и стремлений увековечить его имя.

Касимовское отделение об-ва исследователей Рязанского края обратилось к Уездному Комитету партии с траурным адресом, выражая свое соболезнование и ходатайствуя о присвоении открываемому в новом помещении Каси-

мовскому краевому музею наименования имени В. И. Ленина.

6-го февраля Спасское отделение об-ва в объединенном заседании с музейной коллегией по докладу С. А. Сальхина постановило: просить Уисполком впредь именовать Спасский уездный музей имени Владимира Ильича Ленина.

Памяти Я. П. Полонского.

30 декабря 1923 года в Ряз. Областном Музее в зале русской живописи состоялось торжественное заседание Общества Исследователей Рязанского края и ученого совета Рязанского Областного Музея посвященное памяти уроженца г. Рязани Я. П. Полонского по случаю исполнившегося 25-летия со дня его смерти. Председательствовал зам. заведующего Губ. Музеем В. С. Пушкирев. С докладами выступали почетный член О-ва, директор Музея С. Д. Яхонтов и действительный член О-ва С. П. Рюмин.

С. Д. Яхонтов подробно изложил биографию поэта, охарактеризовал его личность, поделился своими воспомина-

ниями о похоронах его, явившихся огромным событием в жизни г. Рязани, наконец, сообщил о своих работах по розысканию дома, где жил покойный поэт во время своего обучения в 1-й Ряз. Мужской Гимназии (б. Николо-Дворянская ул., в настоящее время улица Я. П. Полонского, дом, где он жил, принадлежал в то время Александре Богдановне Кафтыревой — теперь „Детский сад имени Я. П. Полонского“).

С. П. Рюмин предложил характеристику поэзии Я. П. Полонского.

Заседание собрало многочисленную аудиторию, много было учащейся молодежи.

Чествование С. Д. Яхонтова

31 декабря 1923 г. в Кремле, во дворце Олега, в зале русской живописи, Рязанского Областного Музея состоялось торжественное заседание Общества Исследователей Рязанского края, ученого совета музея и ученой коллегии Губ. Архивного Бюро по случаю исполнившегося 70-летия со дня рождения известного историка Рязанского края, почетного члена О-ва Иссл. Ряз. края, Директора Ряз. Областного Музея и заведующего Ряз. Губ. Архивным Бюро С. Д. Яхонтова. Председательствовал заведующий Губоно *Н. С. Бельцов*.

От имени Губоно он приветствовал юбиляра, отметив его колоссальные заслуги в деле создания и устройства Ряз. Областного Музея. От Общества Исследователей Рязанского края юбиляра приветствовал председатель О-ва *Д. Д. Солодовников*, который и огласил приветственный адрес О-ва. „Вся жизнь Ваша была посвящена изучению родного Вам Рязанского края“—говорит *Д. Д. Солодовников*: „И теперь, в нынешний радостный для всех нас день, мы счастливы заявить Вам свое глубокое уважение и преклонение, ибо результаты пройденного Вами пути столь громадны, столь всеобъемлющи, что трудно поддаются учету. На многий ряд последующих поколений запасен неисчерпаемый источник научного материала для изучения и разработки. Вы положили силы для основания двух краеведческих учреждений Музея и Архива. Собранные в них ценности раскрывают для нашего молодого общества сверкающие горизонты и сулят ему осуществление самых широких возможностей и планов“.

„Рыцаря—витязя, великого собирателя рязанской старины“ приветствовал *В. С. Пушкарев* от Губ. Музея. Были зачитаны адреса и приветствия от сотрудников Музея, от сотрудников Архивного Бюро, от бывших сослуживцев юбиляра по Мариинской гимназии. Особенно ярким моментом чествования было выступление *Н. Г. Березюкова*. (Текстуальное воспроизведение речи см. выше).

В своей ответной речи *С. Д. Яхонтов* благодарил всех выступавших и приветствовавших его. „Я не знаю, говорил он, как вместить в своей душе то, что сказано о моей деятельности. Семьдесят лет я прожил и всю жизнь в работе, в труде. С трех точек зрения я смотрю на свою жизнь: с социально-общественной, моральной и личной. Я не знаю, как я работал—не даю себе отчета в том, как это делалось. Хорошие, добрые люди говорили сейчас, как много я сделал. Но когда я трудился, работал, я не думал о результатах. Так, как-то... Не оказывалось заместителя, я и работал. В течение двадцати лет я работал как архивист. Всю жизнь я работал, работал с пяти лет,—работал больше по заказу. Под ценом молотившего деда в захолустной деревне я работал над латинскими склонениями. Вырос я, работал за сохой андреевной. Поступил в школу, стал учиться—то же работал. Жить—значит работать. Да, это только единственный смысл жизни... Вот почему, если я буду жить и дальше, я буду продолжать работать. У меня есть ноги, не уступающие молодым, есть руки и голова, то же еще относительно в порядке. Начиная с очистки от снега тротуаров, кончая сидением до 8 часов в Музее, мне приходится трудиться.“

Слава Богу, что я не расхныкался сегодня. Смотрю я вокруг и радостно мне: все это мои друзья, близкие мне хорошие люди. И особенно приятно видеть мне здесь глубокоуважаемого *Николая Сергеевича*, потому что был момент в моей жизни, когда я был отброшен от родной педагогической деятельности. Теперь я опять, повидимому, призван быть спаявшимся с Отделом Просвещения. Просвещению я служил всегда, всю мою жизнь.

Я прожил семьдесят лет, мне осталось немного... Может быть эти последние годы будут принадлежать обществу, а может быть и мне самому.—Я не имел возможности думать о своей личной жизни. Я все работал на других. ©

жизнью меня примиряет моя работа. Может быть, и переоценена она; ведь, когда возьмешься за слово, всегда выходит не то.—Но если и есть у меня какие заслуги, если я и много сделал, то это принадлежит не мне, а моей семье. Здесь присутствуют мой сын и моя дочь, они знают кому принадлежат эти заслуги. Они принадлежат человеку, который два года тому назад с голоду ушел на тот свет. Я говорю о своей жене. Не было бы ее, она бы ничего не сделала. Целиком я обязан в этом случае великой русской женщине. Нет женщины, не будет спорины... Я испытал эту спорину, я мог легко и свободно работать, благодаря чудной самоотверженной жене, которая прожила со мной сорок лет.

Семьдесят лет я прожил; семьдесят лет—„глагол“ времени, метала, звон“. Много прожил, а до сих пор не знаю, что я такое. То, что говорилось здесь обо мне, гораздо лучше, нежели я сам. Я не чувствовал еще единения с самим собой, мне некогда было заняться собой. Только в постели, во время бессонницы я собирался с мыслями—думы мои знает одна лишь подушка. И вот прошло 70 лет—пора уже заняться самим собой, осмотреться вокруг.

И теперь, первый раз в жизни я собрал, собрал все, что мною когда-либо написано, составил перечень своих тру-

дов. Для чего я его составлял, писал, а человека в себе еще не нашел...

От работы научной, которую мне суждено нести, я не отступлю. Но думаю, что семьдесят лет вынуждают меня всматриваться в свой внутренний мир, чаще думать о себе. Если исполнится мое это желание, то я буду добрее и симпатичнее, нежели тем, каким я был. Были неровности у меня в отношениях с людьми. Знаю я сам, что есть какие-то особенности в моем характере, в моей натуре, которые неприятны другим. Но в них уж я не волен, таким создала меня природа. За них прошу простить меня.

Присутствующие наградили маститого юбиляра долгими и продолжительными аплодисментами.

Юбиларом были получены многочисленные приветствия от ученых учреждений России и частных лиц. Получены были поздравления от Главмузея, от Центр. Архива, от Цент. Бюро Краеведения при Российской Академии Наук, от Тамбовского Губ. Архивного Бюро, от Саратовского О-ва любителей истории, археологии и этнографии и мн. др., были получены многочисленные адреса и телеграммы от уездных музеев и уездных отделений О-ва Исследователей Ряз. Края, также поздравления целого ряда профессоров и ученых,

Краеведение и школа.

Краеведческая работа учащихся первых рязанских общеобразовательных студий началась с весны 1923 года и выразилась прежде всего в описании одного из рязанских кладбищ „Скорбященского“. Это описание, в настоящее время уже законченное, представляет собою продолжение работы 6. Ученой Архивной Комиссии над составлением „Рязанского некрополя“.

С осени 1923 г. студийные краеведы образовали кружок, работа которого состоит: 1) в ознакомлении с краеведческой литературой; 2) в записи произведений народного творчества и в описании народного быта (напр. жилища и одежды) окрестностей Рязани и тех местностей,

куда учащиеся уезжают на каникулы; 3) в составлении сборника юридических актов Рязанского края; последняя работа состоит в том, что участники кружка выписывают акты из редко встречающихся собраний старинных русских юридических памятников, из разных периодических изданий и пр.

С начала второго полугодия 1923—24 г. образуется краеведческий кружок из слушателей Рязанского педагогического техникума; руководство этим кружком приняли на себя некоторые из членов общества исследователей Рязанского края.

В начале декабря 1923 г. образовался краеведческий кружок учащихся школы 2 ступени с. Ижевского Спасского уезда. Работа кружка пока выразилась в том, что участники его помогли члену общества исследователей Рязанского края В. Д. Бабулину разобрать местный волостной архив—книги решений волостного суда, книги приговоров сельских и волостных сходов, около 20 сводок разнообразных дел; все это подбирается, связывается, описывается и затем убирается в надежное место для хранения.

В дальнейшем имеются в виду метеорологические наблюдения, собрание всякого рода записей, старинных предметов и т. д.; намечен ряд чтений и бесед. Затем, члены кружка собирают материалы и костюмы для постановки на сцене „Ижевской свадьбы 70-х годов прошлого столетия“.

В Касимовском уезде работа по внедрению в школьные программы начал краеведения продолжается усиленным темпом. В январе месяце 1923 года вопросы школьного краеведения освещались на 15 волостных собраниях учителей.

Укажем некоторые темы зачитанных докладов „Использование исторических памятников Ошнкульской волости для школьного краеведения“, „с. Врахтур, Касимовского уезда“, „Краеведческий элемент в прохождении обществоведения в школах 1-й ступени“, „Краеведение в естествознании“, „Доисторические памятники нашего края“, „Кустарные промыслы нашей волости“.

Продолжался через школы сбор этнографического материала для музея. Из поступивших коллекций по своей многочисленности и разнообразию обращает на себя внимание собрание вышивок и затканок, доставленное Волчкаревской школой (Бетинской волости), среди которого есть очень интересные экземпляры.

Касимовский краевой музей.

Касимовский краевой музей в декабре месяце минувшего года переехал в новое помещение (дом б. Слетовой), которого он в течение последнего времени усиленно добивался.

Разборка экспонатов и их размещение близится к концу и, вероятно, в первых числах марта музей будет вновь открыт для обозрения публики.

Новое просторное помещение позволило выставить многие экспонаты, которые за недостатком места прежде лежали под спудом. Вместе с тем, оно дает возможность более успешному развитию и росту музея в дальнейшем.

В настоящее время в Касимовском краевом музее имеются три отдела: 1) историко-культурный, 2) естественно-ис-

торический и 3) экономический. Первый (историко-культурный) с отделениями: русского народного быта, татарского народного быта, историко-археологическим, русского древнего искусства и художественным расположен в 10 комнатах и 2 вестибюлях,—естественно-исторический отдел с отделениями местной фауны, флоры и геологии с палеонтологией—в трех комнатах и двух корридорах, и экономический с отделениями фабрично-заводской, кустарной и сельско-хозяйственной промышленности в трех комнатах и трех корридорах.

Более подробное описание Касимовского музея будет помещено в одном из ближайших номеров этого журнала.

Гиблицкое (волостное) отделение общества исследователей Рязанского края.

Возникшее в ноябре месяце минувшего года Гиблицкое волостное (Касимовского уезда) отделение об-ва иссле-

дователей Рязанского края развило свою деятельность в следующем: председатель отделения—школьный работник Гиблиц-

кой школы 2-й ступени А. В. Щербаков в целях популяризации идей краеведения сделал ряд докладов по изучению родного края в Гиблицах и с. Ибердусе, привлекая на них большое количество слушателей из среды местного населения. Затем им были на открытом собрании общества в присутствии многочисленных гостей зачитаны следующие свои работы: „Народная поэзия (частушки) в Гиблиц-

кой волости“, а также „Метеорологические наблюдения в селе Ибердусе Гиблицкой волости за 1898—1902 год“.

Кроме того, им готовится довольно большая работа: „метеорологические наблюдения в Гиблицкой волости за 1898—1923 год“, которая, повидимому, явится первым трудом такого характера в пределах Касимовского края.

Юбилей Спасского музея.

1 марта 1924 года исполнится пять лет со дня открытия Спасского уездного музея, который был первым вновь открытым музеем на всей территории РСФСР

с момента возникновения Советской власти.

В следующем номере журнала будет приведено более подробное его описание.

Отделения общества исследователей Рязанского края.

Общество исследователей Рязанского края, ведя исследовательскую работу на обширной территории Рязанского края, основало ряд отделений об-ва.

В настоящий момент об-во имеет следующие свои отделения:

1. *Спасское отд.* (г. Спасск—Федорову).
2. *Ижевское отд.* (с. Ижевское, Спасского уезда—Бакулину).
3. *Касимовское Уездное отд.* (г. Касимов—Краевой Музей).
4. *Гиблицкое волостное отд.* (с. Гиблицы, Касимовского уезда—школа II ступени).

5. *Спас-Клепиковское отд.* (школа II ступени).

6. *Бусаевское отд.* (г. Спас-Клепики, школа II ст.—для передачи в с. Бусаево).

7. *Елатомское отд.* (школа I ступени).

8. *Михайловское отд.* (г. Михайлов—Бабкину).

9. *Сапожковское отд.* (г. Сапожок—Музей).

10. О-во Исслед. местн. края (*город Пронск—Музей*).

11. О-во любителей Естествознания и краеведения (*г. Зарайск—Естественно-Исторический Музей (Кремль)*).

Библиография.

Труды экспедиции для изучения Изюмского края.

Под руков. проф. А. С. Федоровского. Вып. 1. Изюм, (1—32 стр. с 45 рис. и 2 черт.; 1-я 8 я. Изд. Изюмского Окружного Отд. Наробраз).

Вот книжечка, которая должна обратить на себя внимание провинциальных краеведов. В краеведческих работах вообще заметен уклон в сторону экономики по преимуществу. Чистая археология в тени. Современность повелительно подсказывает исследователю местной жизни, на чем останавливать свое внимание. Усиленные потоги русского народа выйти из хозяйственной разрухи; калейдоскопические сюрпризы денежного рынка—оттиснули на задний план такую „роскошь“, как археология. На работах местных обществ краеведения не может не отражаться новая жизнь, и большинство выходящих их изданий много говорят о кустаре, о промысле, с любовью останавливаются на сдвиге быта деревни, о частушках и т. п., но археологические разыскания отдаленного прошлого—пожалуй, это и несовременно.

Однако, отделаться совсем от пытливых посягательств ума и воображения, узнать, что такое отдаленное былое, за пределами истории—трудно. Особенно эта даль веков захватывает учащуюся молодежь, как это можно наблюдать в экскурсиях ее в музеи и как приходится слышать об этом от учебного персонала. Как только речь заходит о давнопрошедшем, усталые лица детей оживают, глазенки блестя и впиваются в рассказчика. И в музеях подолгу они останавливаются пред неведомыми творцами оригинального быта, пред своеобразным жизненным обиходом исчезнувших обитателей местного края.

Этой неугасимой археологической любознательности как нельзя лучше помогает помочь вышеназванная книжечка.

Содержание выпуска однородно и состоит из трех отделов.

1) Инструкции и программы для археологических разведок и сбора археологических материалов; 2) инструкция для археологических экскурсий и собирания археологических материалов; 3) программы для собирания сведений по археологии проф. Федоровского; 4) городища, майданы, валы, каменные бабы и доисторические стоянки в пределах Изюмского уезда.

Правда, вся работа приурочивается к определенной территории вообще ю.-в. России, а в частности к территории Харьковщины, Полтавщины, Еггтеринославщины и Донбасса и имеет в виду культуры, которые созидались здесь на протяжении тысячелетий, но содержание выпуска может иметь приложение и к работам по археологии в Средней России и в частности Рязанской губернии.

В ст. 1 кратко, толково, ясно даются определения и признаки доисторических, первобытных культур—каменной, бронзовой, железной, скифосарматской, хозарской. Затем, очень умело автор перечисляет те памятники этих культур, какие народы оставили после себя, из которых археология черпает сведения о них: неолитические стоянки, мастерские, курганы с разными видами погребений, скифские курганы и других кочевников, славянские зольники, могильники, майданы, городища и т. п. Всем этим терминам дано точное описание, так что новичку в археологии даются признаки, по которым он легко отнесет те или другие к той или другой категории.

II. Во втором отделе, указав, что за раскопки *следует братьяся осмтрительно и осторожно*, предоставляя это дело специалистам, хорошо подготовленным, (иначе может быть больше вреда для науки, нежели пользы), составитель рекомендует местным музеям, комитетам охраны п. и. и ст., обществам изучения местного края, содействовать изучению местной

археологии путем систематических разведок, экскурсий, сбора археологических памятников, и затем дает очень практические советы и указания, как составлять маршрут экспедиции, из чего должно состоять снаряжение экскурсанта и как производить самое собрание материала.

Указания практичны, без излишних мелочей.

III. Программы для собирания сведений по археологии. Выработаны 131 общих вопросов, с подразделением на подвопросы. Все вопросы разделены на следующие категории: доисторические стоянки и мастерские, курганы и могилы, майданы, каменные бабы, городища, остатки поселений, случайные находки и клады. Вопросы так просто и исчерпывающе сконструированы, что требования их понятны всякому и избавляют от обычных в этом случае повторений и тавтологий в ответах.

Вопросники и программы иллюстрируются 9-ю табл. рисунков, не собранных в одном месте книги, а разбитых группами чрез несколько страниц текста, что очень облегчает пользование ими.

Статья о городищах и т. д.—Сибилева, имеет уже чисто местное значение,

сообщая сведения о памятниках археологии в пределах Изюмского у., перечислены—городища, майданы, каменные бабы, известные автору или чрез посредственные разыскания или по полученным от других сведениям; в конце книжечки приложен рисунок, очень удачный, каменной бабы.

Вновь возникающим краеведческим обществам в глухих уголках особенно можно рекомендовать это издание. Любители—новички в археологии скажут прямо-таки спасибо за такое толковое руководство в археологических работах, тем более, что имеющиеся труды по этой части Самоквасова, Спицина и Городцова составляют библиографическую редкость и провинции не доступны. Желательно, чтоб и другие краеведческие общества имели подобные издания, разумеется, применительно к местным условиям.

С внешней стороны—издание более чем удовлетворительно, применительно к современной типографской технике. В виду дешевизны издание почти роскошно. Стоит 20 коп. зод. Склад—Изюм, Харьковской губ., естественно-исторический музей.

С. Яхонтов.

Ко всем гражданам Рязанской губернии.

Рождающиеся в наше бурное время новые формы государственной и хозяйственной жизни страны неизбежно вытесняют последние остатки тех своеобразных особенностей бытовой обстановки крестьянского населения нашей губернии, которые слагались в давно прошедшие времена, много столетий, даже тысячелетий назад. Они родились в среде еще дохристианского, примитивного языческого быта близкого к природе, более свежего и восприимчивого эстетической (художественной) стороне существования, открытого влияниям древних культурных областей и народов (византийцев, болгар, арабов и др.), чем и объясняется высокая историческая, а зачастую и художественная ценность старых типов одежды, построек, утвари и иных предметов крестьянского обихода. В настоящих условиях они обречены на вымирание. Процесс этот начался уже давно. Влияние города, отхожих промыслов, и иные внешние причины давно уже, хотя в разных местностях нашей губернии не одинаково быстро, приводят к ломке и исчезновению прежнего деревенского быта. К сожалению, это, во многих отношениях ценное, достояние нашего народа уходит, зачастую не оставляя за собой никакого следа, не сохраненное нашей литературой и нашими музеями,—живое лишь в слабеющих воспоминаниях старых поколений.

В виду изложенного Рязанский Областной музей и общество исследователей Рязанского края в программе своих работ придают особенное значение этнографическому (бытовому) изучению края. Полагая, что старинная одежда крестьянского населения Рязанской губернии, являясь наиболее своеобразной этнографической ее особенностью, в то же время наименее устойчива и из года в год совершенно вытесняется проникающими в деревню городскими модами—Рязанский Областной музей и общество исследователей Рязанского края предприняли настоящую анкету, рассчитывая с помощью учительства и всех лиц, коим дорого изучение родного края, собрать необходимый материал по типам одежды, узоров крестьянского населения губернии.

Рязанский Областной музей и общество исследователей Рязанского края просят Вас внимательно отнестись к вопросам прилагаемой при сем анкеты и по заполнении ответного листа отослать прямо по адресу: Рязань. Кремль, Дворец Олега, об-ву исследователей Рязанского края.

Анкета.

Одежда крестьянского населения Рязанской губернии.

Рязанский Областной Музей и Общество исследователей Рязанского края.

Название селения. Нет ли у него другого местного названия. Общество. Волость. Уезд. Губерния.

1. **Происхождение селения.** Как жители именовались в старину (однодворцы, ямщики, государственные крестьяне, помещичьи и проч.)? Не сохранилось ли воспоминаний об основании поселения; если выселенцы, то откуда? Не имеет ли данная местность или часть уезда особого названия? Не имеют ли жители селения какого либо прозвища, насмешливой клички (мещера, ягуны, цуканы и проч.)? Не сохранилась ли память о прежнем нерусском населении (мордва, мещеряки, татары и проч.)?

Примечание: В дальнейшем просят иметь в виду преимущественно старый костюм местных крестьян, хотя бы к настоящему времени он вышел из употребления. Необходимо, по возможности, давать местные названия одежды, ее частей, узоров и т. п.; рисунки и чертежи, хотя бы самые грубые, представили бы большую ценность. Если нет времени ответить на все вопросы, то просят ответить хотя бы на вопросы, напечатанные курсивом; следует помнить, что всякий добросовестный и обстоятельный ответ останется, вероятно, единственным следом уходящего быта наблюдаемого вами угла.

2. Сильно ли влияние города на местный крестьянский костюм? *Сохранился ли старинный костюм?* У каких групп крестьянства (старики, бедные или наоборот зажиточные крестьяне и проч.) и в каком обиходе (будничный, праздничный, свадебный и пр.).

3. Материал.

а) из каких материалов изготовляют легкую домашнюю ткань (лен, пенька, бумага)? Какие именно виды ее (холст, пестрядь, затканка и пр.) и для каких надобностей (порты, рубахи, полотенца, заклады и др.). Различия в способах тканья. Как окрашивают нитки, холст? Не наблюдается ли за недостатком материала возврат к старинным способам окрашивания: настоем трав, коры, корней, каких именно?

б) выделяют ли для домашних надобностей шерстяную ткань и войлок? Из какой шерсти (весенней, осенней, белой, черной), какие виды ткани или войлока, как выделяют, как окрашивают? Что из них приготавливают?

в) вяжут ли или плетут шерсть (бумагу), как, на что?

г) выделяют ли кожи, шкуры? Как выделяют, что из них приготавливают?

д) плетут ли лапти? Из какого материала (лыка, береста, ивовая кора) и как именно?

4. Женская одежда.

Рубаха. Материал? Покрой: цельная или сшивная (с подставкой), сколько полотнищ, узкая или широкая, длинная или короткая, рукава (короткие, в сборку у кисти, широкие, узкие, длинные с боковым отверстием и т. д.), воротник, разрез ворота (чем застегивается)? Нет ли рубах длинных с очень длинными рукавами?

Отделка рубахи—заткана, вышита, ленты, позумент, блески, бисер и пр.; подробно указать какие части (ворот, палик, подполлок, подол и др.) и как украшаются? Имеются ли различные виды рубах, какие именно (девичьи, замужних женщин, старух, будничные, праздничные, свадебные, погребальные и пр.), особенности их покроя, отделки?

Чем отличаются старинные рубахи от нынешних?

5. Подпоясывается ли рубаха? Какой вид имеет подпояска? Не украшалась ли лентами, кистями, погремушками, вид украшений; нет ли у них особого названия—напр. „сорока“?

6. Панева. Материал (какая шерсть, как окрашивается), покроем (число полотнищ, длина, положение прошвы—спереди, сбоку и т. д.); цвет, рисунок, процветка? Отделка: позумент, бисер, ленты, мутууз? Носили ли в старину паневы иного вида (напр. из нешитого полотнища, с холщевой подкладкой и др.) или иного, не клетчатого рисунка, вышитого или затканного (узор их)? Носят ли паневу девушки?

7. Верхняя женская рубаха (нагрудник, наверхник, носовчик, желтик, кодман и пр.). Носят или носили? Материал (шерстяная, холщевая); покроем (число полотнищ, ширина, длина, как застегивается, есть ли рукава и пр.); отделка?

Если этой одежды нет, что носят поверх нижней рубахи: старинный сарафан (крапешинный, с разрезом напереди, застегивающийся на пуговицы

шариком) или шубку; обыкновенный сарафан, корсетку, безрукавку и т. п.? носят ли занавеску, запан, фартук; когда (праздник, буден), на что надевают; вид их, отделка? Чем различается верхняя одежда (по возрасту, времени года, праздничная и т. п.)? Подпоясывается ли?

8. Верхняя одежда суконная, покроя прямого, без талии (шущун, шущпан, серяк, цупрун, балахон, юпа, повитник и пр.). Носят или носили? Цвет (белый или иной), материал, покрой (длина, ширина, сколько полотнищ, рукава и пр.)? Отделка? Застегивается ли, чем? Подпоясывается? Когда надевается (в теплое или холодное время и пр.)? Нет ли различных видов этой одежды (например, праздничная, будничная, теплого и холодного времени и пр.)? Не носили ли в прежнее время по несколько верхних одежд, одна на одной разного вида или одинаковые? Давно ли вошла в употребление одежда суконная, кроенная в талию, со сборами? Название ее, описание?

9. меховая одежда (шуба, тулуп, полшубок); отличие от мужской. Давно ли вошла в употребление?

10. Волосы и головной убор. Как причесывались девушки, замужние женщины? Какой убор носили в старину на голове замужние женщины? Описание его, возможно подробнее: кичка (с рогами, высокими, низкими, ульба, на затылке, комолая, лопатой, полукругом, блюдечком, шапочкой и т. д.), сорока, сруза и пр.; остов (стеганный холщевый, с деревяшкой и пр.); чехол (сорока)—полотняный, кумачный, вид его, отделка; украшается ли монетами, побрякушками; узоры вышивки? Иные части головного убора (увивка, позатылень, заушники, шнур, кисти, ленты, подвесы и пр.); описание их, порядок надевания? Повязывают ли кичку полотенцем, холщевым платком, каким (заткан, вышит), как? Не носили ли различного вида головных уборов?

Не носят ли вместо старого убора повойник, сборник, шлык (какие) или просто платок, может быть с подкладкой для образования рожек?

Что носили девушки (головная повязка, перевязка, какие)? Носят ли девушки головной платок иначе, чем женщины?

11. Украшения. На шее (ожерелье—приставной воротник, бусы, гайтан, т. н. крылышки и пр.), их описание? Не носили ли в виде украшения несколько крестов? К ушам (серьги, пушки, ленты)? На руках (браслеты, кольца)? На одежде (не носили ли, например, в старину на верхних рубашах или шущпанах особых металлических застежек, пряжек)? На поясе (привески, ленты)? На ногах (мокры, привески на оборах и обуви)? Не носили ли еще каких-либо особых украшений? Украшения эти—покупные или самодельные?

12. Употребляется ли полотенце как часть женского убора, каким образом, в каких случаях? Не имеет ли полотенце иное, особое применение (вешают к иконам, убирают кресты на могилах, деревья в особые дни и пр.)? Как украшались полотенца в старину (вышивались, затыкались), каким узором?

13. Мужская одежда.

Рубаха, порты и штаны. Материал (холст белый, крашенный, набивной, домашнее сукно для зимних штанов и пр.); покрой; как застегивается, чем подпоясывается? Отделка (вышивка и пр.)? Какие подпояски носили в старину, не привешивали ли к ним чего-либо (скоба для топора, ножик, оселок и т. п.)?

14. Одежда верхняя суконная без талии (прямого покроя). Как называется (сермяга, пониток, зипун, свита, халат), какие виды ее имеются, чем различаются, когда носятся (обычная выходная, одежда в холодное или ненастное время, одежда заменяющая меховую или надеваемая вверх нее и пр.)? Материал, цвет, покрой ее; чем, на какую сторону застегивается?

Одежда в талию, со сборами. Какого вида, как называется? Давно ли вошла в употребление?

15. меховая одежда; прямая и в талию. Материал (нагольная, крашенная, крытая); покрой, длина рукавов, воротник; чем застегивается (костяные пуговицы шариком и пр.), на какую сторону, чем подпоясывается? Как украшается?

16. Волосы и головной убор. Как носили волосы мужчины в прежнее время? Головной убор летний (гречневники, черепенники, шляпы своего изготовления)? Зимний? Форма, материал, цвет?

17. Обувь и обертка ног мужская и женская. Лапти: материал, форма и характер плетения (подошва, в косое прямое плетение, носок заостренный, округленный, прямой, высота стенок и пр.)? Чем и как привязываются к ноге? Не украшались ли в старину мохрами и привесами оборы и лапти? Летние и зимние онучи (цвет, материал) у мужчин и женщин? Не обертывали ли женщины ноги особенно толсто, в несколько онуч? Носили ли шерстяные чулки (иногда очень длинные), на онучах, без онуч; цвет их, узоры. На сколько у женщин открыты ноги, обернутые онучами? Какую обувь кроме лаптей, носили в прежнее время мужчины и женщины?

18. Погребальная одежда. Не отличается ли одежда погребаемого от обычной носимой (мужчины, женщины, дети, парни и девушки уже обрученные)? Не готовят ли умершему особой одежды (лапти, чулки, кички и пр.)? Не зашивают ли в саван или не оборачивают ли тканью тело? Кладут ли в гроб украшения, вещи, деньги? Нет ли особого траурного убора или цвета (черная вышивка на кичке, белый платок и т. п.)?

19. Культовая одежда. Не одевают ли или убирают (лентами и пр.) деревья или фигуры — чучела; в какие дни, как именно?

20. Узоры рукоделий.
а) Вышивка.

Когда появилось в селении вышивание крестиком альбомных рисунков, заимствованных из разных узорников или записанных из города (т. наз. бобошки)? Какие вещи вышиваются, чем, материал, какие узоры преобладают?

Сохраняется ли старинная вышивка? Насколько она распространена? Чем исполняется (крашеная шерсть, нитки, шелк, бумага, серебряная или золотая нить), преобладающие цвета старинной вышивки? Какие швы употребляются? Различаются ли вышивки — цветом, материалом, швом, узором — на разных частях одежды?

Примечание. При описании одежды (пункт 4, 6, 8, 10 и др.) необходимо указать особенности ее вышивок (цвет, материал, шов и наиболее обычные узоры), при чем крайне желательно, хотя бы, грубые рисунки узоров.

б) Тканье. Какие части одежды украшаются тканым узором? Цвет, материал, рисунок? Сами ли ткут или покупают готовые полосу — затканки?

в) Вязанье, плетенье. Какие вязаные или плетенные вещи (варежки, чулки, пояса) украшаются узором, каким? Плетут ли и вяжут ли кружева?

г) Бисерная работа. Сами ли шьют бисер (подвязи, гайтаны и пр.) или покупают готовым. Узоры бисерных поделок.

21. Если вы наблюдали одежду нескольких селений или всего уезда, не можете ли указать главные местные ее различия?

01/470/

228

439

ВЕСТИНИК

ПРАЗНИЧНЫХ КРАЕВЕДОВ

№4

Оглавление.

	СТР.
<i>Н. Березиков. Будущее историко-краеведческой работы.</i>	2
<i>Д. Солодовников. Из школьных лет Я. П. Полонского .</i>	4
<i>Б. Алексеев. Народное искусство Рязанской губернии .</i>	8
<i>Н. Лебедева. Городок у деревни Новоселки</i>	13
<i>Проф. В. П. Семенов Тян-Шанский. К материалам по Рязанскому краеведению.</i>	15
<i>Е. Яблоков. Краеведческое исследование и школьное краеведение</i>	17
<i>Отчет о деятельности об-ва исследователей Рязанского края за 1923 год.</i>	21
<i>Хроника</i>	25

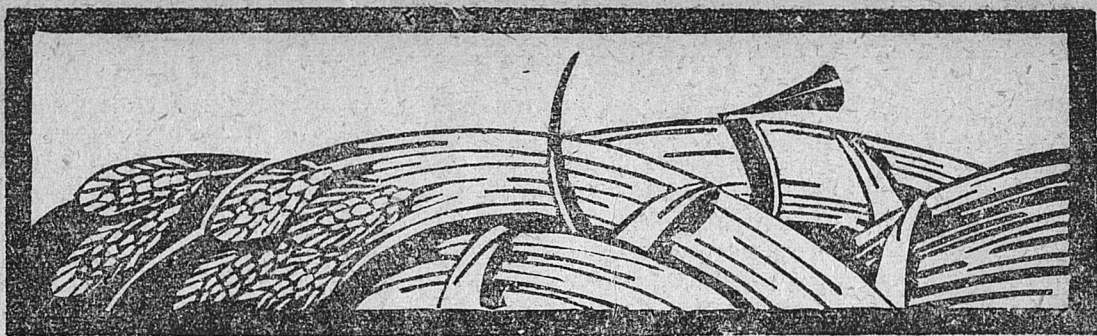
**ВЕСТНИК
РЯЗАНСКИХ
КРАЕВЕДОВ.**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИССЛЕ-
ДОВАТЕЛЕЙ РЯЗАНСКОГО
КРАЯ.

Издательство «Красный
Восход» Касимов,
Рязанской губ.

А П Р Е Л Ъ
1924 года
№ 4-й.

Будущее историко-краеведческой работы *)

1. Все шире и всестороннее захватывает историческая наука самые глубины подлинной народной жизни; все увеличивается масса источников, необходимо привлекаемых к исторической работе; все более усложняются методы этой работы. Эти черты в развитии исторической науки делают необходимым при исследовании явлений прошлой жизни народа большое разделение труда. В большинстве случаев наиболее целесообразным принципом такого разделения оказывается принцип краевой; необходимою предпосылкою дальнейшего исследования почти каждого явления прошлой жизни в общенародном масштабе все более становится наличность обстоятельных исследований этого явления по областям.

2. Будущее развитие изучения истории народа рисуется в той общей схеме, что все стороны прошлой жизни подвергнутся углубленному изучению в краевом масштабе и исчерпывающе проработкою источников; эти исследования будут лежать в основе творящегося синтеза: исследований по истории края в ее целом; исследований отдельных явлений и сторон прошлой жизни в общенародном масштабе; и исследований отдельных моментов и эпох в жизни народа; над всем этим—высший синтез: исследования по истории народа в ее целом.

3. Изучение истории народа шло и идет пока при гораздо более скромной роли исследований по краевой истории

и достигло очень больших результатов, чрезвычайно важных, между прочим, для самого дела изучения краевой истории. Последующий, на основании углубленного изучения краевой истории, пересмотр сделанных уже выводов по вопросам истории народа в некоторых случаях лишь даст прежним выводам более строгое и прочное обоснование. В большинстве же случаев результаты такого пересмотра будут, несомненно, очень велики, в смысле либо изменения прежних выводов и всестороннего их усовершенствования, либо замены их новыми.

4. Перед работниками по краевой истории открывается, в связи с возрастающими запросами со стороны истории народа, грандиозные задачи.

5. В сфере историко-подготовительной работы такими задачами являются: выявление и регистрация всех разнородных памятников прошлой жизни края, сохранившихся как в пределах края, так и вне его; настойчивая пропаганда среди всех, чьи воспоминания могут представить исторический интерес, необходимости скорейшей записи этих воспоминаний в той или иной форме; рациональное сосредоточение памятников в специальных хранилищах; приведение памятников в надлежащий порядок; составление к памятникам описей и указателей,—по месту хранения, хронологических, систематических; опубликование памятников; постановка на должную высоту дела краевой исторической библиографии и историографии; разработка вспомогательных исторических дисциплин со стороны краевых особенностей; составление разнообразных пособий, получающих теперь все большее значение

*) Настоящая статья представляет собою конспект доклада, сделанного в заседании социально-исторического отделения общества исследователей Рязанского края 15 января 1924 года.

при собственно-исследовательской работе, как то: списки мест, лиц, терминов, перечни событий,—с надлежащими историческими данными. Каждый пункт этого беглого перечня представляет сложную методологическую проблему: за каждым пунктом стоит большая научная задача, выполненная пока недостаточно, или даже не начатая выполнением; выполнение каждого пункта диктуется совокупностью современных требований к историческому исследованию и является необходимым условием наиболее целесообразного использования исследовательских сил.

6. Оправданием всей этой большой подготовительной историко-краеведческой работы будет широкое развитие собственно-исследовательских трудов по краевой истории, при строгом соответствии их тем и методов выполнения запросам современной науки. Рано или поздно вся прошлая жизнь края должна пройти через специальные исследования, пройти так, что каждое исследование—или группа исследований изучит хоть самый маленький кусочек этой жизни, но изучит исчерпывающе. Исследования с более широкими темами по краевой истории будут опираться не только непосредственно на исторические источники, они будут вместе с тем являться синтезом этих отправных исследований, и в свою очередь они будут опорой для исследований по вопросам еще более широким. Завершением синтеза в пределах истории края будет служить, очевидно, обобщающий обзор истории края самого в себе и как члена народного единства во всех ее сторонах, обзор, подводящий итоги всей работе по истории края. Чем скорее будет стареть такой труд и требовать коренной переработки или замены новым, тем лучше.

7. Чтобы получить такое развитие, историко-краеведческая работа должна стать работой действительно организованной и строго планомерной в общероссийском и краевом масштабах. Должно быть усилено научно-координирующее воздействие центрархива и главмузея на работу краевых архивов и музеев, основанное на тщательном и своевременном учете всех достижений мест. Должен возникнуть и, конечно, рано или поздно возникнет, в тех или иных формах, под

тем или иным названием, Всероссийский институт изучения краевой истории.

8. Этот будущий историко-краеведческий институт представляется автору доклада как участник целой ассоциации институтов, ведающих отдельными отраслями краеведения; вместе с тем, как отдел высшего учреждения по изучению прошлого России; и как постоянный орган правильно созываемых историко-краеведческих съездов, находящийся в постоянном теснейшем сотрудничестве с краеведческими организациями на местах. Деятельность института, строго считаясь с запросами русской исторической науки в ее целом, будет развиваться на основе всего русского и иностранного историко-краеведческого опыта. Задачи института—многообразные задачи научного координирования всей историко-краеведческой работы в стране: изучение общих вопросов о научном значении разработки краевой истории; разработка исторической методологии применительно к изучению краевой истории; историческое районирование России; выработка плана организации историко-краеведческой работы во всероссийском масштабе и разрешение общих вопросов, возникающих относительно этой организации; выработка типов для справочников и пособий к исследовательской работе по краевой истории; выработка систематических подробных программ исследования краевой истории; составление обзора источников по краевой истории, со стороны научного значения каждого вида источников; установление наиболее целесообразной последовательности в выполнении работ по краевой истории; инициатива самого осуществления работ, особенно таких, относительно которых назрело одновременное выполнение их повсеместно; руководство всею текущею историко-краеведческою работою; своевременная регистрация всей историко-краеведческой работы, производящейся в стране; издание общерусского историко-краеведческого журнала и отдельных трудов; подготовка работников по краевой истории.

9. Местные краеведческие общества всем своим опытом будут участвовать в деятельности института по координированию историко-краеведческой работы в стране. Вместе с тем, каждое краевед-

ческое общество, широко пользуясь результатами работ института и в случае надобности его непосредственным руководством, будет все действительнее и полнее осуществлять те же задачи организации и руководства по отношению к историческому изучению собственно своего края: планомерно организовать объединение местных историков краеведов; детальнее и конкретнее, применительно к данному краю, разрабатывать типы справочников и указателей, программы исследовательской работы; составлять научные обзоры источников по истории данного края; выдвигать очередные задания; брать на себя инициативу их выполнения; руководить текущей работой более мелких местных краеведческих организаций и отдельных своих членов: регистрировать всю работу по истории края,—и так далее.

10. В ближайшее время со стороны краеведческих обществ важным шагом

по пути придания организованности и планомерности историко-краеведческой работе было бы образование при каждом обществе, как только представится возможность, небольшой специальной комиссии по руководству изучением прошлой жизни края. Со стороны центра важным шагом навстречу деятельности мест в этом отношении было бы образование небольшой организации, специально ведающей делом научного координирования историко-краеведческой работы в стране. В результате расширения деятельности этих местных и центральных комиссий, постепенно, двойным, встречным процессом возникает действительное всероссийское историко-краеведческое объединение, залог дальнейшего успеха изучения краевого прошлого и дальнейшего развития изучения истории русского народа.

Н. Березиков.

Из школьных лет Я. П. Полонского.

В Рязанском музее вместе с другими предметами, связанными с именем Я. П. Полонского, хранится его гимназическое сочинение и списки выпускных отметок того класса, с которым он окончил курс.

Сочинение Полонского взято из дела № 5—журналов Педагогического Совета Рязанской гимназии 1837 г., т. е. того года, в котором Полонский окончил курс. Тема сочинения „О качествах, необходимых писателю, а в особенности поэту“. Написано оно на листе довольно мелким почерком и занимает 22½ строки. Вот оно с соблюдением орфографии:

„Изящное должно удовлетворять чувству умственному, нравственному и эстетическому; то есть оно должно произтекать изъ стройнаго согласія истины, добра и красоты. Изящное должно выражать собою идею творческой души, въ формахъ, доступныхъ въѣшнимъ органамъ чувствъ. И такъ, ежели истинна есть одно изъ существенныхъ началъ Изящнаго; то не ясно ли видно, что та же самая любовь къ истинѣ должна

быть одною изъ элементовъ души живописца, ваятеля и наконецъ писателя или стихотворца. Ежели добродѣтель и тонкій образованный вкусъ недоступенъ чувствамъ писателя; то можетъ ли перо его вливать въ сердце читателя любовь къ чистой нравственности, и дышать тою прелѣстью, которая смягчая холодность истинны, невольно влечетъ насъ въ ея объятія. Изъ всего мною сказаннаго, можно вывести то, что вообще всякой истинной писатель долженъ образовывать умъ свой полезными знаніями, имѣть сердце, преисполненное чувствительности, и наконецъ долженъ руководствоваться правилами очищеннаго вкуса“. Оценено это сочинение баллом 3.

Кроме краткости, оно еще отличается обилием грамматических ошибок. Полонский, очевидно, довольно плохо справлялся с буквой ъ и любил ее ставить там, где это не полагалось; не давалось ему и ѳ; есть у него и другие ошибки, всего их в 22½ строках сочинения 13

При таком обилии грамматических ошибок в сочинении Полонского понятно становится та двойка, которая у него стоит в графе „грамматика русская“ ведомости отметок успехов учеников VII класса в Российской словесности по удостоению преподавателя. Нужно впрочем сказать, что и другие 15 учеников VII класса не блистали отметками по грамматике; только один из них имел 4, семеро—3, семеро (включая и Полонского)—2 а один—1.

Сочинение Полонского является прекрасной иллюстрацией его воспоминаний о гимназии, в которых он, между прочим, говорит о том, что был „великим мастером“ на грамматические ошибки и не скоро научился машинально писать—где е, где—ѣ.

Кроме грамматики, в ведомости преподавателя российской словесности есть следующие отделы: риторика, пиитика, история литературы, сочинение, логика. По риторике у Полонского стоит 4, по пиитике 5, по истории литературы 5; по сочинению 4, по логике 3. По риторике из остальных 15 учеников у четырех было по 4, по пиитике только один Полонский имел 5, тоже только один Полонский имел 5 и по истории литературы, и только он один имел 4 по сочинению. По логике все ученики были слабоваты: вместе с Полонским пятеро имели по 3, пятеро по 2 и шестеро по 1. В сумме всех баллов по российской словесности Полонский был выше всех: только у него было 23 балла; в среднем выводе он имел 4, такой средний вывод, кроме него, имели еще 3 ученика.

Это—годовые баллы Полонского.

На испытании по российской словесности он в среднем выводе получил 4; этот балл составлялся у него из следующих баллов: по грамматике—3, сочинение—3, по логике—3, по риторике—4, по пиитике—5, по истории литературы 5.

В среднем выводе 4 на испытании по российской словесности кроме Полонского, имели еще 3 ученика; но по пиитике, по истории литературы только он получил 5; сочинение на испытании все написали плохо; тройки получили, кроме Полонского, только 4, остальные получили 2 или 1.

В аттестате у Полонского по российской словесности 4, с таким баллом по

этому предмету кончили гимназию в том году еще 4 ученика.

Российская словесность была любимым предметом Полонского, преподававший ее Н. В. Титов его любимым учителем, а он его любимым учеником.

Думается не будет лишним привести здесь то, что вспоминает об этом своем учителе Полонский в своих записках „Школьные годы“.

„Это был красивый молодой человек, высокий, блондин, стройный, живой, всегда одетый по последней моде, светский по своим манерам; словом, не только между нашими рязанскими учителями, между всею рязанскою молодежью он казался денди и привлек к себе всеобщее внимание; все стали приглашать его: не было бала не было вечера где бы не было Титова. В него влюблялись, на него засматривались и побаивались его остроумия... Нашел ли меня Титов в V классе, не помню, знаю только, что в VI и VII классах гимназии он уже был моим любимым учителем. и, смею сказать, я стал любимым учеником его... Я не мог не казаться ему развитее других, потому что все читал, что относится к словесности или к литературе: и лекции Давидова, и Плаксия, и даже отчасти Востокова“...

Иностранные языки плохо давались Полонскому. „При первой же пробе изучить иностранные языки я оказался бездарнейшим из бездарнейших“. Так говорит он в своих воспоминаниях. Об этом же говорят и его гимназические отметки. В ведомости „отметки учеников VII класса в греческом языке по удостоению преподавателя“ у него по грамматике 2, по переводу с русского языка на греческий 1, столько же и за перевод с греческого языка на русский. в среднем выводе тоже 1; такие же отметки получены им на испытании; столько же значится в таблице окончательного вывода.

Плохо учился Полонский и по латинскому языку: „по удостоению преподавателя“ он имел по всем отделам латинского языка, т. е. по грамматике и переводам 2, на экзамене он получил по грамматике 3, по переводам по 2, а за сочинение 1. Таким образом, в аттестате у него по этому предмету оказалось 2. Столько же получил он

и по немецкому языку в окончательном выводе, т. е. в аттестате; по удостоению преподавателя, т. е. в годовом выводе, он по этому предмету получил—по грамматике—2, за перевод с немецкого на русский язык—2, с русского на немецкий—1, за сочинение—1, а в среднем—2; на испытании по немецкому языку он только за перевод с немецкого языка на русский получил 3, а по остальным отделам 2 и две единицы.

Из иностранных языков только по французскому языку Полонский получил 3. Любопытно, что в годовых отметках он и по грамматике, и за сочинение, и за перевод с русского языка на французский получил по 2, только за перевод с французского языка на русский он получил 4, что и дало ему в среднем выводе 3;—то же повторилось и на испытании.

Кроме российской словесности только по закону божие у Полонского было 4. Предмет этот делился на такие отделы: пространный катехизис, церковная история и черты деятельного учения веры; из этих отделов по первому и последнему у Полонского было 4, а по церковной истории 3; на испытании он получил 3 и по церковной и по священной истории, а по двум другим отделам 4.

В своих воспоминаниях Полонский говорит, что при поступлении в Московский университет он получил по алгебре 1. Это не говорит о больших успехах. И в самом деле, в годовом выводе „по удостоению преподавателя“ Полонский получил по математике такие баллы: по арифметике 2, по геометрии 2 и по тригонометрии 2, в среднем 2; только на экзамене он почему то по геометрии и тригонометрии получил 3; из годового балла 2 и экзаменного 3 ему вывели 3.

Слабо учился Полонский и по истории: „по удостоению преподавателя“ он имел за древнюю историю 2, за среднюю—2, за новую—2, за историю русского государства—2 и в среднем выводе—2. На испытании он получил по древней истории и истории русского государства по 3, что и дало возможность поставить ему в среднем 3 на испытании и в окончательном выводе.

По географии отметки Полонского поражают своим разнообразием: по мате-

матической географии и космографии он имел 5, по физической географии—2, по политической географии—3, по географии русского государства—2, в среднем 3. Это баллы „по удостоению преподавателя“. На испытании он только по математической географии и космографии получил 3, по другим отделам 2 и в среднем—2; только в среднем выводе из годового и экзаменного баллов у него вышло 3. Среди этих баллов удивляет 5 по математической географии. В своих воспоминаниях Полонский так объясняет это удивительное исключение: „Этот предмет интересовал меня, к тому же в библиотеке дяди нашлась одна книга, довольно подробно излагающая науку о звездах; правда, книга старинного покроя, но все же я мог при ее посредстве пополнять мои сведения. Чертить же карты сравнительной величины солнца и планет, их расстояния, фазисы луны, орбиты комет и т. п. было для меня наслаждением. И не странно ли? Я забыл тройное правило, я бы не мог сделать ни одной сколько-нибудь сложной арифметической задачи, а понимал параллаксы, умел вычислять высоту треугольника по двум данным углам и из математической географии постоянно получал полный балл пять“.

По статистике русского государства Полонский и в году и на испытании получил по 2, а по физике по 3.

Если сопоставить все баллы „окончательного вывода“ выпуска 1837 г., то оказывается, что Полонский получил по двум предметам по 4, по трем—3, по трем—2, по одному—1, в среднем выводе из всех баллов 3, а в сумме баллов 30. Среди 16 учеников, окончивших гимназию в 1837 году, он занимает 10 место и конечно, далеко не блещет успехами. „Теперь я не мог бы и кончить гимназического курса“, говорит он, сравнивая гимназию своего времени с классической гимназией Толстовского типа. Учение никого почти не утомляло, даже мне было по плечу, несмотря на мои незадаваемые способности. Тогда не требовали от ученика, чтобы он во всем преуспевал одинаково“...

Эта черта гимназической жизни тридцатых годов имела для Полонского огромное значение. Гимназия не задавила, не искалечила его личность и, как это

видно из его отметок, дала возможность развиваться именно той стороне его, которая впоследствии так блестяще себя проявила.

Очень важны, конечно, и те влияния, которые воздействовали на Полонского в школе.

Среди товарищей Полонского мы не найдем таких, которые могли бы на него влиять. Другое нужно сказать о преподавателях. Двое из них очень много дали Полонскому. Один — это учитель латинского языка Яновский. „Он был дорогой для меня человек“, говорит про него Полонский, „он первый заставил нас подозревать, какие поэтические красоты и какие совершенства скрываются в римских классиках... В поэтах он обращал внимание на размер стиха и на особенности этого размера, на меткость эпитетов, на сжатость формы, на силу некоторых выражений, ставших афоризмами“. Так на уроках этого учителя красота античной поэзии обвевала душу Полонского, наплатила его талант духовными соками античного мира.

Тот же Яновский оказал влияние на Полонского и в другом отношении.

Яновский был поклонником модного в то время поэта Бенедиктова и свое увлечение этим поэтом передал Полонскому. „Я стал ему подражать“, говорит Полонский, „и очень благодарен судьбе за такое подражание. Оно научило меня искать гармоническое сочетание слов или подслушивать такие звуки, каких я и не подозревал“.

В другом отношении влиял на Полонского учитель русской словесности Титов, любимый ученик известного профессора литературы Давыдова. Если Яновский вводил Полонского в красоту образов в звучность стиха античной поэзии, если он увлек его красотой звуков поэзии Бенедиктова, Титов подошел к душе Полонского, к его мировоззрению и передал ему те мысли о задачах поэзии, о качествах писателя, какие навеяны были на него лекциями Давыдова в лучшую пору деятельности этого профессора, поклонника философа Шеллинга.

Школьные годы — годы чрезвычайной важности, это — годы, когда складывается личность человека, но, конечно, школа только одно из условий образования

личности, за пределами школы — семья, общество, природа. Что же они дали Полонскому?

Если судить по воспоминаниям Полонского и по автобиографическим черточкам, разбросанным в его произведениях, то можно сказать, что обстановка, в которой протекали его детские, а отчасти и юношеские годы, это обстановка старинной барской семьи начала 19 в. В этой среде еще веет старой Русью: маленького, шестилетнего Полонского грамоте учат по старинному букварю, старые, престарелые названия: аз, буки, веда входят в его духовный мир в виде ярких образов и впоследствии отразятся в его творчестве. „В моем „Кузнечике“ — говорит он в своих воспоминаниях: „знал он твердо слово и не верил в буки“, прямо вытекает из старинного произношения русских букв, и всякий русский поймет эту фразу, даже и не подозревая, что это каламбур“. Из той же азбуки Полонский „с восторгом и наслаждением“ затвердил наизусть первые стихи в своей жизни.

Старая Русь обвевала Полонского и в рассказах семинариста, который учил его грамоте. „Не раз“, говорит Полонский: „в отсутствие моей матери рассказывал он нашим нянькам разные легенды о святых, иногда приносил нам стихи про Венеру, амура и прочих богов, шествующих куда-то в виде маскарадной процессии, и стихи про сатану, ад и прочие ужасающие диковины... Все это не без впечатлений проходило по душе моей.“

Там же, конечно, в домашней обстановке обвевала Полонского и народная русская поэзия, там слышал он сказки и былины, которые он, бывало, передавал своей матери с таким одушевлением и с такими подробностями, что удивлял ее.

Старинную барскую семью трудно представить себе без рукописных сборников стихов и песен. И у матери Полонского были целые томы этих сборников народных песен и тогдашних мирных романсов в роде: „Звук унылый фортепьяно“, „Канареечка любезна“, „Я в пустыню удаляюсь“, „Среди долины ровные“ и пр. Вся эта „салонная старина“ уже в раннем детстве была известна Полонскому и очень ему нравилась. Еще маленьким мальчиком он уже знал

наизусть множество стихов, по большей части старых романсов и песен.

Если вдуматься во все эти подробности детских лет Полонского, перед нами встанет далеко не заурядный мальчик, в нем уже чувствуется будущий поэт: словно поэт из матери—земли, впитывает он в себя из окружающей среды образы, настроения, звуки, слова, из которых впоследствии он будет создавать свои произведения.

Полонскому не было еще и десяти лет, когда бессознательно, конечно, незаметно для себя пережил он момент перелома в своих литературных вкусах. Совершенно случайно попала к нему в руки тетрадка, в которую переписана была поэма Пушкина „Братья разбойники“. Он стал читать и „пораженный увлекательностью и новизной стихов, все забыл“.

Говоря об условиях, под воздействием которых протекали детские и юношеские годы Полонского, следует, конечно, отметить одно из самых существенных условий—природу, рязанскую природу. В произведениях его не раз мелькают перед рязанским читателем родина, близкие его сердцу картины: и разлив Оки „с вершины исторического вала“, и этот вал, „кое-где разрытый“, „и Ольгов

монастырь с березовой рощей“, и собор, и здание присутственных мест, и луговая сторона Оки, уставленная скирдами сена. В произведениях Полонского вы увидите и широкую гладь Оки с белыми чайками, с цаплями, которая, качая головой, стоит на далеком изгибе желтеющей отмели, и баб в высоких кичках с бисерными назатыльниками, и девок в платках с золотыми повязками. И Рязань, где учился Полонский, и Ольгов монастырь, где погребена его мать, и Острая Лука Спасского уезда, где проводил он летние каникулы—все это дало ему неиссякаемый запас красок, образов, настроений...

Что же дали Полонскому его „рязанские“ годы? Рязань с раннего детства насытила его душу картинами родной природы, обвеевала его дыханием образов родной старины, образами, звуками народной поэзии, познакомила его с произведениями античных поэтов и с творчеством лучших русских поэтов того времени, наплатала его талант, открыла путь к поэтическому творчеству и внушила возвышенные взгляды на задачи той деятельности, которой он посвятил свою жизнь.

Д. Солодовников.

Народное искусство Рязанской губернии и изучение его краеведческими научными центрами.

(Очерк первый).

Настоящая статья является лишь слабой попыткой наметить вехи для изучения народного искусства Рязанской губернии. В нашей краткой статье мы не останавливаемся подробно на рассмотрении образцов данной отрасли искусств и выяснении их художественного достоинства, задача наша заключается лишь в характеристике той или иной отрасли народного искусства в Ряз. г. в его современном положении и в постановке тех или иных вопросов, которые бы углуб-

ляли изучение рассматриваемой отрасли искусств.

Среди центральных губерний, которые сохранили в той или иной мере русское народное искусство, Рязанская губерния является если и не первой, то далеко и не из последних. Почти до настоящего времени здесь можно было проследить развитие следующих отраслей народного искусства: 1) кружево, 2) вышивка, 3) набойка, 4) ткачество, 5) гончарное производство, 6) иконопись,

7) соломоплетение. На первом месте, как мы видим, стоит кружево и преобладание этой знаменитой, древней отрасли искусства над другими, не только не случайно, но знаменательно. Кружево является древнейшей отраслью русского декоративного искусства, появившегося у нас на Руси, вероятно, вместе с памятниками древне-русской живописи. Слово „кружево“ в России упоминается впервые в летописи XIII века, а именно в Ипатьевской (в 1252 году) и писалось через букву „и“, что дает повод думать, что слово кружево произошло от понятия „окружить“ какой-нибудь предмет. С начала XV века до нас дошли и образцы кружева, хранящиеся в ризнице Троицко-Сергиевской лавры*). Кружево этого времени представляло собою плетение из золотых и серебряных ниток и состояло из сцепления ромбов, расположенных на сетке. В XVI веке упоминается кружево „сажанье жемчугом“ (т. е. низаное жемчугом) и в XVII веке, в век декоративного искусства, появляется масса кружев разнообразных рисунков, тоже сделанных из серебряной и золотой нитки, но несколько иной работы, чем кружево XV века. В XVIII и начале XIX века кроме металлических кружев появляются также кружева из ниток, с шелком или без него. Согласно существующей легенде, Петр I и выписал в 1725 году из Брабантских монастырей тамошних мастериц, которые должны были обучать прядению голландских ниток и плетению кружев питомцев первого русского „детского дома“ открытого Петром в Новодевичьем монастыре. На смену металлическим кружевам XV—XVII века появился целый ряд новых: „фантази“, „брабантские и брюссельские кружева“, „блонды“, „крутофильские“. Новое кружево появившись с запада вытеснило окон-

чательно древне-русское кружево. В середине XVIII и начале XIX века кружево сделалось достоянием помещиков, которые зачастую устраивали в своих усадьбах целые фабрички кружев, пользуясь даровым трудом своих крепостных. Кружево это было модное, т. е. делалось по западным образцам и шло частью для самих помещиков, частью на продажу через тех же крепостных людей, ходивших по оброку. Отмена крепостного права сильно повлияла на кружевной промысел. Крепостные мастерские были закрыты, спроса на крепостное кружево почти в то время еще не было, т. к. модным считалось настоящее заграничное кружево, и этот древний прекрасный промысел почти совершенно заглох. Однако, на ряду с образцами западного кружева, в народе, повидимому, никогда не угасала память о самобытных русских кружевах; сила традиции поддерживала связь с великим прошлым, и эта связь с прошлым заставила перековать русское кружево из города в деревню, из помещичьей усадьбы в крестьянскую избу, где оно мирно оберегалось, если не в народе, то в верном хранителе—бабушкином сундучке. Таким образом, создалось народное кружево, которое, как мы видим, взяло прототипом своих кружев—старинный образец, отразивший в себе высокий русский стиль гениального, недостижимого древне-русского искусства. Образец этот, конечно, изменяли в бесконечных вариациях, считаясь с местными условиями и, таким образом, создавая местный, областной мотив и узор кружев. Оригинальным русское кружево является еще и потому, что оно гораздо древнее западно-европейского кружева. В то время, как на западе в Италии и Нидерландах кружево появляется с XVI века, в России, как мы уже упоминали выше, оно уже существует в XIII веке, что дает повод думать, что кружево явилось к нам с Востока, от одного из тех источников, откуда ведет свое начало и византийское искусство и наша древнерусская живопись. Глубокая древность нашего кружева доказывается и орнаментом нашего кружева, символическим, мифическим и ритуальным. Орнамент этот имел вековую преемственность и в конце концов в России получил са-

*) В Ипатьевской летописи говорится в 1252 г. о князе Данииле Галицком, что при свидании его с королем Венгерским, на нем был надет „кожух оловира грецкого и кружево златыми плоскими шит“, а 1288 г. упоминается, что после смерти Владимира Галицкого „смыывша и увиша и (его) аксамитом с кружевом, —яко же достоит царем“. Образцы XV века есть в ризнице Троице-Сергиевской лавры, и кружево нашитое на покрове с мощами Сергия, а также образцы Рогожского Преображенского монастыря. Образцов XVI века почти не сохранилось. Образцы последующих поколений имеются в большом количестве в разных собраниях.

мобытные чисто национальные, народные формы. Однако, несмотря на свою красоту и вековые отголоски, кружево к 70 г. прошлого столетия окончательно замирает, и только с того времени, когда русское общество начинает искать не только идеалов, но и народных русских форм, начинает пробуждаться, между прочим, и интерес к русскому кружеву.

В 1872 году русское кружево экспонируется на Московской Политехнической Выставке, в 1873 г. в Вене, а уже в 1877 г. на Парижской выставке оно привлекает к себе всеобщее внимание. Наконец, в 1879 г. по инициативе Е. Н. Андреева организуется комиссия по исследованию кустарной промышленности в России, где, прежде всего, выясняются центры кружевного дела.

Такими центрами кружевного дела, где бы этот промысел существовал издавна, на одном из почетных мест были Рязанский, Скопинский и Михайловский уезды Рязанской губернии. Однако, уже в 80-х годах специалисты по изучению кружевного дела, в особенности С. А. Давыдова, обратили внимание на то, что качество кружев было далеко не на своей высоте и с каждым годом все ухудшалось: ручное кружево под влиянием скупщиков повторяло мотивы модернизированных рисунков, материал шел самый дешевый, а в связи с этим и работа мастериц все более и более обесценивалась, делалась все менее выгодной и интересной и грозила или совсем прекратить свое существование по материальным причинам или сделаться в руках невежественных скупщиков лишенной всякого художественного интереса. Тогда же для сохранения кружевного промысла решено было открыть правильную сеть школ для подготовки опытных мастериц. План сети таких школ был разработан Давыдовой в 1883 г. и имел своей целью создать кадр опытных руководительниц, хорошо знакомых с техникой и композицией местных старинных народных образцов, которые бы на местах оживили замиравший кружевной промысел. Ожидания эти, конечно оправдались: появление под влиянием опытных руководителей на местах образцов старинных народных кружев, умело сделанных, сразу повысило их качественную ценность и создало громадный на них спрос, как в са-

мой России так и главным образом за границей. Так по статистике 1912 года кадр кружевниц увеличился, на 100.000 чел., а годовой оборот дошел до 5 миллионов руб.

В Рязанской губернии тоже были открыты такие школы, из которых Андреевская, Борисовская (существующая более 20 лет и самая из них известная) и Екатерининская в Скопинском уезде, основанные между 1895 и 1909 г.г. в особенности были известны. Сбыт Скопинских кружев шел, главным образом, за границу, в Голландию (Амстердам, Гаарлем, Апелдорн, Форбург, Гронинген, Миддельбург, Дордрехт, а также в голландские колонии в Африке), в Северную Америку и Германию (Мюнхен, Нюрнберг, Киссинген).

Для наглядности стоит привести несколько цифр, показывающих как рос ежегодный сбыт Скопинских кружев:

1909—10 г.	выработано 17.410 арш.	на 3.588 р.	45 к.
1910—11 г.	„ „	22.216 „	на 5.238 р.
1911—12 г.	„ „	24.286 „	на 4.862 р. — к.

Что говорят нам эти цифры? Эти цифры показывают, что кружевной промысел привнес крестьянским семьям Рязанской губ. в одном лишь Скопинском уезде 5.000 золотых рублей—цифра для крестьянского хозяйства того времени очень значительная, а если это так, то вопрос о значении кружевного промысла в Рязанской губернии стоит того, чтобы на нем остановиться более подробно. Мы уже указывали на то, что кружевной промысел не ограничивался территорией Скопинского уезда, но был и в Рязанском, Михайловском, а также Данковском уездах. Более того, кружевной промысел в Рязанской губ. оказался очень устойчивым—земледельческая губерния не имеющая почти ни одной ф.к., отдаленность центров кружевного дела от жел. дорог, все это—условия благоприятствующие развитию кустарного промысла.

Здесь мы не будем останавливаться на описании техники работ Скопинских и пр. Рязанских кружев; это уже является темой для будущей специальной статьи и остановимся лишь на рассмотрении кружевного промысла с краеведческой точки зрения. Остановимся, прежде всего, на вышеприведенных цифрах. Чем объясняется ежегодное увеличение

спроса на Рязанское кружево? Повидимому, главным образом, требованием иностранного рынка. Но почему иностранный рынок (Голландия, Америка, Германия) предъявили усиленный спрос на Рязанское кружево только в последние годы, почему раньше кружево не экспортировалось за границу теми же русскими скупщиками в 60—70 годах? Ответ ясен—Скопинское кружево 60-х годов, утратившее свою самобытность, сработанное по тем же иностранным образцам (и конечно самым дешевым и плохим) не могло привлекать иностранцев, которые те же кружева находили у себя на родине гораздо лучше и по композиции и по стилю и по технике.

Увеличение сбыта кружев можно объяснить исключительно правильно разработанной программой, которая легла в основу для всех школ мастериц кружевного дела. Работать кружева, беря лучшие местные образцы, местный орнамент и композицию, работать местной техникой—вот те задания, которые легли в основу возрождения кружевного дела в России. Задания эти, как мы видим, оправдались и должны были бы все более и более развиваться, однако, этого не последовало. Дело в том, что в возрождении русского кружева участвовали отдельные единицы, которые, хотя делали свое дело со всей любовью энтузиастов русского кружева, но, тем не менее, делали это по частному почину, не затрагивая ни все широкие массы кружевниц и не поднимая культурного уровня русского общества. Государственного плана в возрождении кружев не было, более того, по большей части, делом руководили великосветские покровители, которые очень мало понимали в этом деле, являлись людьми совершенно случайными, отдавая дань лишь модному увлечению.

Правда, кружевное дело пользовалось в последние годы поддержкой Главного Управления Землеустр. и Землед., но все эти меры к поддержанию кружевного дела были слишком незначительны. Не было научного и художественного центра, который бы разрабатывал эти вопросы. Для светских покровительниц кружевное дело было лишь временным увлечением, а для чиновничьих учреждений кружевной промысел был лишь

средством для поднятия производительности в стране и увеличения экспорта товаров за границу.

Никто не думал о художественном направлении кружевного промысла, а между тем, Русско Английская палата неизменно условием ставила, чтобы кружева были сделаны только лишь старинного народного узора. И как это ни странно, стало очевидным, что самым выгодным и целесообразным является производство кружев по иностранным образцам для России и по русским—для заграницы! События еще более потрясли создавшиеся ненормальные условия. Война 1914 года уничтожила экспорт кружев за границу и создала внутренний рынок, который в течение войны руководствовался исключительно требованиями моды. Парижская мода меньше, чем кто-либо имела связи с русским кружевом, и русское кружево подверглось весьма значительным изменениям. Наконец, революция окончательно подорвала этот промысел, и русское кружево очутилось в таком же положении, а м. б. даже и в более худшем, чем оно было 40—50 лет тому назад. В начале революции производственное искусство было поставлено на должную высоту, но Нэп быстро разрушил все начинания и планы, и кружевное дело в настоящее время зависит исключительно от Нэпмана. У современного же Нэпмана нет ни художественного вкуса, нет ни любви к родному стилю. Кружево его интересует лишь только как предмет для украшения, как „красивая вещь“ в обиходе. Это один представитель рынка, другой—тот же заграничный рынок. Правда пока что у нас нет правильной торговли с западом, но кое какие начинания уже сделаны, и эти начинания превзошли ожидания. Стоит лишь указать на фарфор государственного завода, который сейчас повсюду за границей пользуется громадным успехом и спросом. Повидимому, внешний рынок остается верен себе—он попрежнему покупает лишь предмет самобытного активного искусства, искусства лишенного трафариета мешанского вкуса. Мы видим, что социальная шаткость старого строя и война 1914 года нанесли целый ряд ударов кружевному промыслу; промысел этот сильно пал и в качественном и ко-

личественном отношении. Спрашивается теперь, какие же мы имеем ресурсы для развития этого дела? Есть ли у нас наличие материала, опытных рук, руководителей, наличие рынка, сбыта, наконец, эстетический облик предмета? Имеем ли мы все это? Безусловно, за исключением внутреннего рынка и эстетического облика! Для того, чтобы поднять культурный уровень о-ва с одной стороны, а с другой стороны художественный вкус у трудящихся, необходимо иметь какой-то центр, где было бы показано в достаточной степени наглядно и убедительно все развитие и эволюция кружевного дела в России начиная со старинных русских образцов (м. б. даже в репродукциях), которые являются прототипом для русского кружева и кончая современными народными кружевами.

Безусловно, здесь должен быть наглядно представлен кружевной орнамент Рязанского края, образцы чисто местной техники, характерные отличия от других образцов. Наконец, и не исключается для сопоставления и экспозиция образцов „дурного вкуса“. Такой центр в Рязани уже имеется, — это Рязанский Областной музей, который имеет великолепное собрание образцов кружевного дела. Повидимому, это собрание необходимо значительно пополнить, еще более глубоко продумать, как в смысле более детальной научной систематизации, так и более наглядной и живой экспозиции. Повидимому этот отдел должен быть более всего рассчитан на самые широкие массы трудящихся в своей популяризации выставленных экспонатов, но с другой стороны, глубокая обдуманность в выборе экспонатов вызывает очень большие трудности. Прежде всего, понадобится для изучения этого дела соответствующий материал, которого в Рязани не окажется. Собираение материала по изучению истории производства, орнамента и техники кружева — вторая неотложная задача. Эту задачу может разрешить только соответствующее научное о-во, каким и является о-во изучения Рязанского края. Разработка такого материала важна не только для Рязани, а для истории народного искусства и народного творчества вообще. Так, напр, что касается литературы о

кружевом деле, то начиная 1848 г. появляются описание отдельных работ, по б. ч. в виде кратких заметок в тех или иных периодических или статистических изданиях, но очень незначительных*). С. А. Давыдовой было впервые предпринято детальное обследование этой отрасли искусств, но работа эта, являясь очень ценной, не лишена некоторой тенденциозности.

Безусловно, правильная постановка этих 2-х задач требует определенных условий для работы, как для музея так и для о-ва изучения местного края. Условия для работ сейчас, конечно, крайне неподходящи, но здесь не надо забывать, что в этом заинтересован целый ряд других учреждений. Так напр, что касается коллекций кружев музея, то нам кажется, соответствующую помощь мог бы оказать главмузей, дав для Ряз. музея те образцы из своего госуд. музейного фонда, которых в Рязан. музее не имеется. Что касается изучения производства, то в этом, повидимому, очень заинтересованы те государственные хозяйственные учреждения, которые руководят кустарной промышленностью России. Всероссийская с. х. выставка конкретно показала нам, что сельским кустарным начинаниям государство идет навстречу и охотно поддерживает; поэтому Рязанское о-во изучения местного края в праве рассчитывать на помощь государства.

*) Литература по кружеву на русском языке почти отсутствует за исключением заметок и повторяющихся статей в периодических изданиях. Отметим наиболее ценные работы:

1) Давыдова С. А. „Русское кружево и русские кружевицы“. 1885 год.

2) „Вышивка и кружева“, вып. 1-й русс. стар. кн. Сидаман-Эристовой и Н. П. Шабельской 1910 г.

3) „Русское кружево, узоры и сколки“ С. А. Давыдовой 1909 г. изд. охд. с. эк. и сел.-х. стат. Г. У. З. и З.

4) Они же. „Отчеты о кружевных промыслах в Моск. губ.“, труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, вып. V. 1880 г.

и п о п у л я р н ы е:

5) „Русское народное искусство на 2-й Всерос. кустарной выставке в СПб в 1913 г.“ СПб 1914.

6) Стасов. „Русский народный орнамент“, т. 1 и Собр. сочин.

Собрания кружев в Москве находятся в музеях, монастырях, в Историч. музее, музее Старой Москвы, „Музее 40 х годов“ — отдельные собрания) и в собраниях А. Пожарского (раньше Пролетарский музей на Мещ. улице).

Заканчивая настоящую заметку, мы хотели бы лишь лишний раз отметить, какое громадное культурное значение имеет работа научных о-в и музеев. Мы взяли один из важных промыслов Ряз. губернии и еще раз убедились, что су-

ществует громадная связь науки, научных учреждений, какими в данном случае являются общество и музей, с народом и с улучшением его благосостояния.

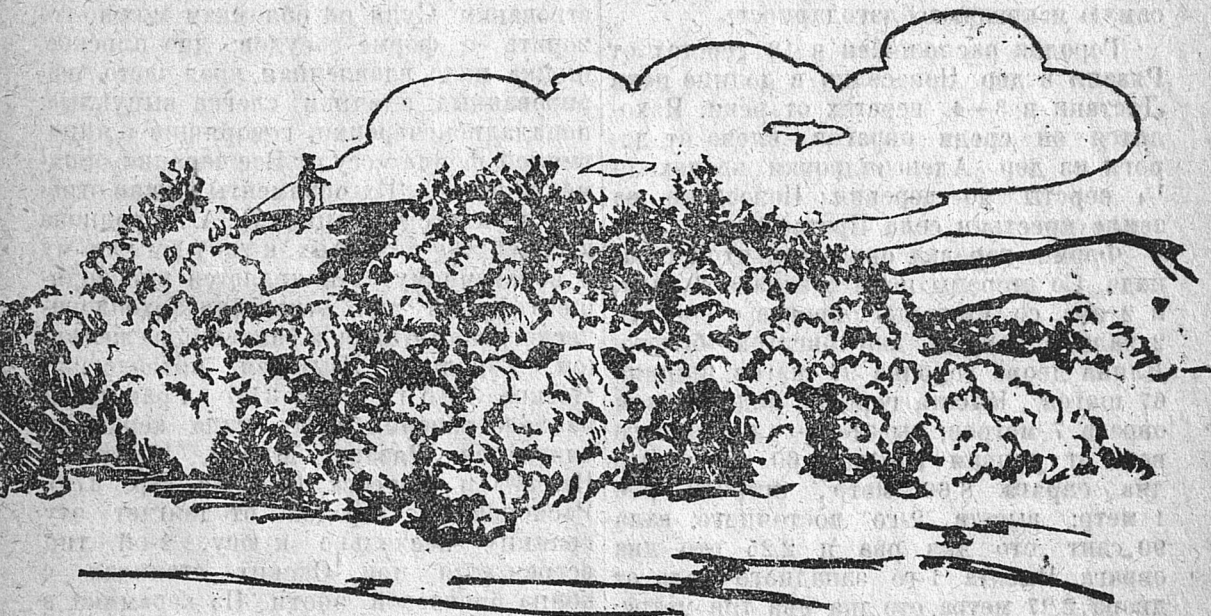
Борис Алексеев.

Городок у деревни Новоселки Ряз. у.*).

Летом 1923 г. работы по изучению Ряз. края в археологическом отношении носили, главным образом, рекогносциро-

вочный характер—были зарегистрированы городки по р.р. Раки и Листани (Ряз. уезд), произведены обмеры их и

Внешний вид Городка.

Условные знаки:

- городки
- села.

*) Доклад, прочитанный в заседании социально исторического отд. Общества Исследователей Ряз. Края 4 янв 1924 г.

собранны случайные находки. Тот же характер носили исследования по Саможковскому уезду в долине р. Пары, где

было обнаружено 5 городков, 3 группы курганов и большое количество курганов одиночек в Телятниковской и Напольнской волостях; 2 неолитических стоянки и случайные находки топоров Фатьяновского типа. Однако, несмотря на отсутствие всяких средств для производства раскопок, мне удалось провести "небольшие раскопки в Рязанском уезде городка у дер. Новоселки (в долине р. Листани) благодаря деятельному участию слушателей Краеведческих курсов: Н. И. Мордовченко, М. А. Игнатъева, А. А. Судакова, М. Е. Афанасьева, В. Н. Доброхотова, которым приношу самую искреннюю благодарность.

Городок расположен в 18 верстах от Рязани в дер. Новоселки в долине реки Листани в 3—4 верстах от реки. Находится он среди оврагов, влево от дороги из дер. Александровки не доходя $\frac{1}{4}$ версты до деревни Новоселки на земле крестьян села Протасова.

Форма городка овальная, вход с запада. Со стороны поля с запада 3 вала, и 2 рва, со стороны оврагов с востока 2 вала, 1 ров, на дне оврагов—болото. Длина двора городка 97 шагов, ширина 67 шагов. Высота городка над уровнем оврага 7 метров; высота 1-го восточного вала от уровня городка 60 сант. Ото дна оврага 8,66 метр, ширина рва 1 метр; высота 2-го восточного вала 90 сант. ото дна рва и 2,25 ото дна оврага. Высота 1-го западного вала от двора 2,27 метра, ото дна рва три метра; ширина рва $6\frac{1}{2}$ метров; высота 2-го вала 2 метра. Ширина 2-го рва $5\frac{1}{2}$ метров; высота 3-го вала ото дна рва 2,85 метра и 30 сант. от уровня поля (сведения измерения городка приводятся в сокращенном виде)

Двор городка распахивался, поэтому дерновой слой снесен, обломки горшков и кости животных обнаруживаются во всех частях двора городка. При раскопках культурный слой начинался с 1-го же штыка за исключением участков 5-го и 8, у которых культурный слой обнаружился на глубине $\frac{5}{6}$ метра. При измерении уровней этих участков выяснилось, что они на $\frac{5}{6}$ метра выше участка № 1, причина—оползание вала, которое закрыло более мощным слоем культурные остатки. Было заложено 8 участка. (по 1 кв. метру.—Причина ма-

лых размеров участков—слабые силы копателей). Удалось обнаружить 3 костра на границе 1 и 2 участков, на 3 и на границе 5 и 8. Костры были на глубине $\frac{4}{11}$ метра, для них делалась яма $\frac{2}{11}$ метра глубиной и $\frac{6}{11}$ метр в диаметре. На кострах обнаружено скопление костей животных, керамика, небольших камней и угля. Глубина культурного слоя от $\frac{4}{11}$ до $\frac{6}{11}$ метр. В культурном слое обнаружены: керамика, по материалу 26 видов, из серой глины и глины с примесью кварца; на всех штыках и на всех участках та и другая группа керамики, что говорит об одновременности их существования. Судя по обломкам можно говорить о форме сосудов: дно плоское, шейка мало вдавленная, края часто гофрированные, плечики слегка выпуклые; попадались черепки, говорящие о яйцевидной форме сосуда. Все черепки орнаментированы. Их орнаменты можно отнести по классификации В. А. Городцова к семейству печатных, к типу рогожному и веревочному, 1-й является руководящей формой для отнесения археологического памятника к ранней поре железа (см. Городцов „Бытовая археология“ Москва 1910 г. стр. 372). Границами распространения этого типа керамики считаются Рязань, Муром, Кострома, Валдай и Витебск (там же стр. 374). Раскопанный городок отодвигает эту границу несколько к югу. 2-ой тип встречается при Окских стоянках с конца бронзовой эпохи. Из керамики в целом виде был найден стаканчик, сделанный из светло-коричневой глины, с плоским дном, слегка расширяющийся кверху, без орнамента. Диаметр дна: $2\frac{1}{2} \times 3$ см. ширина сверху 4 см. Высота 5 см. толщина стенок 0,5—0,3. Из железных предметов найден обломок ножа, что подтверждает связь указанного орнамента с железным периодом. Кроме этого, найдены обломки пряслиц, сделанных из глины, которые в долине р. Оки не встречаются ранее ранней поры железа и 2 грузика в виде необделанных камней с просверленной лишь дыркой. Из костей животных обнаружены кости домашних животных: коровы (больше всего) свиньи, лошади; из диких животных кости лоса. Наличие костей животных говорит о преобладающем занятии скотоводством.

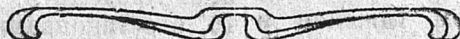
Итак, обыватели Городка знали железо, умели ткать, занимались скотоводством. (Материалы раскопок поступили в Ряз. обл. музей, дневник раскопок в арх. отдел Главмузея.) Все находки дают возможность отнести Городок к определенному времени, к определенной культуре. Эта культура (по классиф. В. А. Городцова), ранней поры железа; она охватывает 1-ое тысячелетие до Р. Х. Здесь мы имеем дело с концом этой культуры. Отсутствие изделия из камня подтверждает это.

Городища этого времени имеют обычно треугольную форму, ограниченную с 2-х сторон естественными обрывами, а с 3-ей искусственным дугообразным валом и рвом (городище у с. Недостоева Ряз. уезда, с. Городец Спасск. уезда) и только в редких случаях форма городищ бывает овальная с несколькими рвами и валами. Наше Городище в этом отношении приходится причислить к этой группе редких исключений. На городках этого времени кроме перечисленных предметов встречаются костяные подделки, серпы, говорящие о земледелии этого времени, вещи иноземного происхождения. Золотая монета Филиппа Македонского найденная в Ростове Великом (см. страница 384 „Бытовая археология“ Городцова) и бусы на Огубском Городище (раскопки Городцова 1923 г.)—вещи, го-

ворящие о торговых сношениях. Обычным жилищем на городках этого типа является круглая или 4-х угольная землянка (раскопки Городцова у дер. Городца, Спасск. уезда Ряз. губ. и Огубское Городище, Калуж. губ.) Культура этого типа встречается в Тверской, Московской, Калужской, Костромской, Владимирской, Витебской губ. В Рязанской губ. все следы отмечены: Кирилов городок, городок у с. Городец (Спасск. уезд.). Курман (Касим. уезд.), Ловецкие Выселки (Зарайский уезд) с. Недостоево, д. Подлесная слобода, Луховицы 2 городка, Солодча, Канищево, Городище, Карцево, Ольгово, (нижний слой Городка) Красный Яр у дер. Сысоево (Ряз. уезд.).

Многочисленные, неисследованные городки, разбросанные по Ряз. губ. дают надежду на открытие новых очагов этой культуры в пределах Ряз. края и на пополнение их материалами пока еще бедно обставленного зала ранней поры железа Ряз. областн. музея. А изучение этой культуры для Ряз. края наиболее интересно: некоторые исследователи считают народность, оставившую эту культуру, финнами. Рязанский край, давший богатейшие материалы по культуре финнов, безусловно должен дать материал и для разрешения этой проблемы.

Н. Лебедева.

К материалам по Рязанскому краеведению¹⁾.

Многоуважаемый Николай Алексеевич! Позвольте, через Ваше посредство, передать о-ву исследователей Рязанского края искреннюю признательность мою и

моего брата Андрея Петровича²⁾, за присланный № 1 „Вестник Рязанских Краеведов“, который произвел на нас самое отрадное впечатление.

Горячо приветствую содержание первого номера журнала и, в частности, Вашу прекрасную статью в нем³⁾. Меня,

¹⁾ Редакция с согласия автора печатает ниже письмо проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского, посланное им Н. А. Дорогунтину, в котором содержится мнение известного русского ученого, уроженца Рязанского края и почетного члена о-ва исследователей Рязанского края—о вышедшем 1-м № „Вестника Рязанских Краеведов“ и приведены ряд интересных данных, могущих охарактеризовать краеведнюю работу в Рязанском крае в прошлые годы, в каковой весьма видное участие принимала семья Семеновых-Тян-Шанских.

²⁾ Известный русский энтомолог, профессор ряда Петроградских высших учебных заведений. Почетный член о-ва исследователей Рязанского края. (Ред.).

³⁾ Ст. Н. А. Дорогунтина—к вопросу о собирании и охране памятников старины, искусства и народного быта в Рязанской губернии (стр. 5—7). (Ред.).

как географа и вместе с тем естествоведом (геолога), очень заинтересовала мысль Н. С. Кобозева¹⁾ об исследовании Рязанской губернии лодочно-волоковым (древним) способом. При сосредоточении главной массы населения в речных долинах это очень практичный, как мне кажется, и недорогой способ. По этому поводу считаю долгом сообщить, что единоличная попытка моя вместе с одним из моих братьев именно такого способа краеведной работы в верхнем течении р. Равны относится к концу 1880-х и началу 1890-х годов. Последние следы ее уничтожились при разгроме и сожжении отцовской усадьбы в марте 1918 года²⁾. Но, вот что могу сообщить об этом незаконченном опыте, надеясь, что мое указание сможет принести некоторую пользу рязанским краеведам. Мне и брату Валерию Петровичу было в то время 18—20 лет. В Гремячке (близ Мураевки) мы соорудили на свои карманные деньги, с помощью одного старика—плотника, никогда не строившего лодок, две килевые лодки—одну вместимостью на 4—5 человек и другую—на 2 человека. Обе имели весла, на большей из них ставился и парус. При нашем личном даровом физическом труде и оплате лишь стоимости материалов и труда старика—плотника, обе лодки обошлись нам вместе менее чем в сто рублей. Так как мы были самоучками кораблестроителями, то в конструкции лодок были ошибки (у большей была слишком тяжелая и низко сидевшая корма, впрочем содействовавшая ее устойчивости при парусе, малая лодка отличалась, при быстроте хода, излишней вертлявостью и валкостью, но была замечательно легка). На этих лодках мы проплывали по Равне вверх и вниз до 5 плесов, перетаскивая их через 4 плотины, для чего требовалось всего 4 человека. На большей лодке мы даже умудрялись лавировать на парусе против ветра при ширине плеса всего в 10 сажень, круто поворачивая с помощью добавочного к рулю весла на носу. Всего только раз

мой брат, в мое отсутствие, потерпел аварию на большой лодке при сильном шквале, впрочем, закончившуюся благополучно. Я пробовал производить с этих лодок краеведную гидрографическую работу, т. е., опись берегов и измерения глубин плеса, с нанесением их на увеличенный план генерального межевания.

Мне было известно, что мой дед, местный уроженец Петр Николаевич Семенов (бородинский герой, член „союза благоденствия“, близкого к декабристам, ум. в 1832 г.) в первой четверти XIX века составил и подал проект канала Равнова—Кочур, с целью соединить Окский бассейн с Доном (см. статью М. Прокофьева „Наше судоходство“ СПб 1870 и мемуары П. П. Семенова—Тян-Шанского. Т. I. 1917, стр. 295—296). Нам хотелось поставить одну из наших лодок на колеса и переволочь ее через 3-х верстный волок в Кочур, чтобы спуститься по нему в Дон, но это осталось мечтой не по реальной невозможности выполнить наше намерение, а потому, что мы были отвлечены другими делами. Итак, мне кажется, что краеведная работа на паре лодок (одна для краеведов, а другая—на буксире—для груза), в особенности, если поставить на первую из них легко съемный мотор, вполне осуществима. На плесах между мельницами обычно, нет никаких мелей, течения слабы, и все это облегчает передвижение. Проходить можно в день верст по 15, с остановками и переволакиваниями через плотины.

В „Вестнике Рязанских Краеведов“ указывается на недостаток этнографических и вообще краеведных материалов по югу губернии и в особенности по Данковскому уезду¹⁾. Напомню, что моя покойная сестра Ольга Петровна (р. 1863 г., ум. 1906), как раз исследовала подробно смежные части Данковского, Раненбургского и Скопинского уездов, записала и собрала там массу песен, сказок, всякого фольклора, доставив в Русский Музей в Петроград массу старинных местных костюмов и предметов быта, написала и опубликовала свой местный

¹⁾ Ст. Н. С. Кобозева—„План исследования Рязанской губернии в естественно-историческом отношении“ (стр. 8—9) (Ред.).

²⁾ Им. „Гремячка“ П. П. Семенова-Тян-Шанского, в Данковском у., Рязан. губ. Предназначалось владельцами имения под народный музей. (Ред.).

¹⁾ См. статью А. И. Фесенко—„Рязанский Областной Музей“ (стр. 4), статью Н. А. Дорогунтова—„К вопросу о собирании и охране памятников старины, искусства и народного быта в Рязанской губ.“ (стр. 7). (Ред.).

этнографический очерк „Жизнь Ивана“ и целый ряд заметок («записки Русского Географического О-ва по этнографии», «Живая Старина», архив Русского Географического О-ва—сборник песен). Затем мой родственник Павел Михайлович Семенов, землевладелец при д. Алмазовке, Раненбургского уезда (р. 1849 г., убит на месте жительства в Алмазовке в 1917 г.) лично сфотографировал в течении нескольких лет великолепную краеведческую коллекцию снимков, очевидно погибшую при разгроме и сожжении его усадьбы. Некоторые его снимки имеются в распоряжении Центрального Географического Музея в Петрограде. Жаль, что отсутствие фотографической бумаги не позволяет переснять их для Рязанского Музея. Немалый рукописный краеведный материал по Скопинскому уезду был, насколько мне известно, и у упоминаемого в „Вестнике“ земского

врача Н. Д. Рудинского*), судьба которого мне неизвестна.

О. П. Семенова-Тян-Шанская была отличной художницей-акварелисткой, и масса ее этюдов с натуры, изображающих пейзаж и сельские постройки южной части Рязанской губернии, находятся в Петрограде, между прочим, имеются и в Центральном Географическом Музее.

Во Всероссийском сельско-хозяйственном Музее в Петрограде есть большая рельефная карта овражной сети Муравинского удельного имения, собственно-ручно сделанная управляющим этим имением инженером Ф. Дау. Жаль, что со всего этого нельзя снять копий.

Всего наилучшего. Искренне уважающий Вас *В. Семенов-Тян-Шанский*.

*) См. статью В. А. Сушицкого — „К истории революционных кружков“, (стр. 19). (Ред.).

Краеведческое исследование и школьное краеведение.

(Пример задания из области естеств.-научного исследования близкого к сельскому хозяйству).

Краеведческое исследование и школьное краеведение в некоторых заданиях, посильных школе, могут чрезвычайно сближаться и оказывать друг другу взаимную поддержку. Далее мы разберем одно такое задание, предлагаемое школе на лето 1924 или следующего года.

Выгоды для краеведческого исследования от такого сотрудничества со школой будут те, что число, главным образом, юных исследователей увеличится, а коллективная работа может, при достаточно широком развитии, дать довольно полный материал по всему рязанскому краю, и будут воспитываться новые краеведы, еще молодые, но тем более, зоркие и неутомимые.

Выгоды сотрудничества для школы не менее определенны и значительны. Если идея краеведения в школе стала педагогической аксиомой, то не так то

распространено ее осуществление. Причина тому иногда, да пожалуй и главным образом, в том, что еще недостаточно ясно руководителю, школьному работнику, что же именно нужно делать, что выбирать из многообразной природы для работ по краеведению. И чаще всего бывает, что, если работа по живой и неживой природе ведется в школе, организуется экскурсия и собирается материал, то случайный, не связанный никакой идеей или задачей с краеведением и только тем „краеведческий“, что не за сотни верст собирается, а тут же, близ школы. В лучшем случае материал называется учебно-биологическим принципом, но без связи с местом откуда он взят и без использования его для целей краеведения и характеризует не природу данного района, а учебно-книжную идею; т. е. роковым образом, учитель прихо-

дит к тому, от чего бежал, книга опять фактически господствует над природой в его работе, т. к. материал ни для чего не используется кроме обучения.

Вывести из этого положения может не игрушечное или, несколько лучше, иллюстративное к книге задание, а легкая, посильная школе, но настоящая—исследовательская задача. Такую задачу может дать краеведческое исследование и краеведческие общества должны вообще давать такие задания школе, должны помочь ей в том, в чем их цели близко сходятся, не противоречат основной работе, они должны связать разрозненную работу школ и исследовательских организаций.

Мы думаем, что излагаемая дальше задача удовлетворит вышеуказанным условиям, что материальные предпосылки для выполнения ее окажутся в каждой сельской школе.

Каждая школа, вероятно, будет летом экскурсировать, хотя бы с частью учащихся собирать гербарий, м. быть—знакомиться с почвой. Мы предлагаем присоединить к этому намерению определенную цель, учесть „кормовое достоинство растительности поздних паров“, то есть, собирать растения с крестьянских паровых полей, поднимаемых поздно, в июне, и подсчитать, сколько за весь период получится с десятины такого пара, судя по пробным делянкам, хорошего сухого корма, сколько плохого, сколько вредного и сколько несъедобных растений. Ниже будет указано, какая часть работы выпадает на долю школы, какая—на обрабатывающее материал общество исследователей.

Выбрать именно эту работу, позволяет с одной стороны ее доступность и несложность и близость к сельской школе и ее целям, с другой,—экономическое, производственное значение ее, необходимость использовать производительные силы земли сельским хозяйством наиболее рационально, одновременно изучая растительность и почвы края.

Дело в том, что крестьяне, при недостатке угодий для выпаса скота, очень держатся за поздний пар, теряя при этом в урожае озимого и ярового хлеба иногда до 50 пудов зерна и более чем до 100 пудов соломы и очень мало выгадывают кормового вещества от расту-

щих на поздних парах растений; между тем, подсчетов полезности позднего пара, как выгона, произведено ничтожно мало, а цифры могли бы сказать очень многое всякому местному жителю.

Чтобы достичь поставленной цели, нужно:

1) Изучить видовой состав растительности паровых полей, чтобы затем по преобладающим растениям судить, какие кормовые достоинства она имеет.

2) Учесть количество производимого поздним паром сухого корма, то есть, высушивая собранные с пробной делянки растения и деля их на хорошие в кормовом отношении, плохие, вредные и не используемые скотом, перечислить урожаи делянок на десятину.

3) Как вести работу сообщим несколько ниже. Что же касается результатов работы, то они будут тем интереснее и обобщаемей, чем с большего количества мест будут получены, чем больше будут связаны с местными условиями: почвой, влажностью, освещением, рельефом, так как кроме того сама преобладающая растительность говорит нечто о почве.

Таким образом, сообразно избранной цели и трем поставленным задачам, следует вести работу следующим образом:

Для первой задачи нужно собирать с ранней весны до взмета пара, за весь период выпаса на нем скота, все цветущие виды растений, чтобы иметь гербарные образцы и узнать их названия, а по названиям получить справки о их достоинствах и недостатках, как о кормовом материале. Значит, задача разделяется на три: собрать, определить и оценить отдельные виды растений пара. Школа может либо выполнить все три задачи, либо только первую, а две другие возьмет на себя общество и только результат сообщит школе. Разные школы разную оборудованы и подготовлены к исследовательской работе. Мы в дальнейшем берем равнение на худший случай и сообщим отчасти то, что по нашему предположению известно в школах или может быть найдено в школьной библиотеке и пособиях подробнее, чем может быть изложено в короткой статье и убедительно рекомендуем, если возможно, не ограничиваться только сообщаемыми нами указаниями.

Значит, собирать и сушить растения школа будет. Нужно выкапывать цветущее растение с корнем и стеблем и всеми, даже подсохшими внизу листьями. Следует брать не меньше 4-х экземпляров каждого вида, чтобы один оставить в школе, на всякий случай, а три отправить в общество исследователей для определения или проверки определения и дальнейшей обработки материала; из трех экземпляров два совсем останутся в о-ве и один вернется в школу с определением или, по крайней мере, с проверкой определения произведенного в школе. Опять таки выгода получения точно определенного гербария, а возможно и некоторых технических указаний на будущее, для школы очевидна.

Сушка растений производится после отмывки или, если достаточно, отряхивания корней от земли в бумаге непроклеенной (газетной, оберточной серой, еще лучше пропускной, фильтровальной), растения вкладываются в свернутый пополам лист, размером 49 x 23 см. каждой его половины, называемый „рубашкой“ и укладываются в стопку запасной бумаги так, чтобы между двумя „рубашками“ было несколько листов; т. к. от скорости сушки зависит сохранение цвета листьев и цветов, то для ускорения ее, нужно помещать растения на ветру, на солнце и даже в протопленной и остывающей печке и перемешивать запасные листы бумаги, а т. к. для определения нужно иметь все части растения, желательно и цветы и плоды, и при том засушенными, в близком к естественному расположению, то растения укладываются в рубашку тщательно и если не уместятся, то или переламываются под острым углом, или разрезаются; для сушки спрессовываются или особым сушильным прессом или просто грузом (кирпичами) положенным на доску прикрывающую стопку бумаги с засушиваемыми растениями. Совершенно необходимо при каждом растении положить в рубашку и записку (этикетку), которая начинает заполняться начерно немедленно по выкапывании растения, а заканчивается и переписывается набело после определения; на ней должны быть ответы на следующие вопросы: 1) *Семейство, род и вид* растения, 2) *Где* растение взято (*месторасположение*—

уезд, волость, селение, река и т. п. и *местообитание*—поле (чье), возле какой растительности (леса, луга, хлебного поля) и с какого рельефа (низина, бугор, ровное и т. п. место), 3) *размер* растения (стебля) в *сантиметрах*, наибольший, наименьший и средний рост вполне развившегося (цветущего) растения, 4) время цветения, 5) *сколько* часто или редко встречается в паре, в том или другом пробном (заномерованном) участке, 6) подпись—кто *собрал* и *определил* растение, 7) *когда*.

Ввиду краткости приведенных указаний, необходимо крайне отчетливо и внимательно отнестись к ним, не пропуская ни одной мысли.

Вторая задача—учет сухого корма на пробной делянке. Прежде всего, нужно выбрать несколько паровых полос, отличающихся одна от другой преобладающей растительностью и на них участки, размером в 1 квадр. метр ($1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ арш.), с таким расчетом, чтобы по одному, двум—трем таким пробным делянкам можно было без большой ошибки делать заключение о всем участке, а по нескольким полосам о всех паровых полях данного района (напр. селения, двух—трех сел.). *) Затем пробные делянки должны быть под наблюдением за весь период выпаса скота и до взмета пара. За это время надо раз, два, три, сколько потребуется снимать урожай травы; будет хуже, но скорее—скашивать и рассортировывать укос; лучше, но кропотливее—срывать или срезать растение на той высоте, на которой их может сощипнуть пасущийся скот. Самая лучшая сортировка была бы та, когда каждый вид был отобран и учтен отдельно; но она потребует много работы, хотя это и не страшно для молодого коллектива. Сокращение работы на сортировке можно произвести следующее: рассортировать на три яруса растительность: первый ярус до 5 см. вышиной, второй до 10, третий выше и т. д.; определяя высоту на глаз, невыпрямляя растений и все растения промежу точного роста относя к тому или другому ярусу, но выбрав таковой не для экземпляров, а для всех растений данного вида. Т. к. самую боль-

*) Делянку отмерить и огородить 4-мя колышками и бичевой, последнюю убирать, а колышки оставлять.

шую трудность сортировки будет представлять самый низкий ярус, то его не рассортировывать по видам, а выделить один, два преобладающих и смесь. Сортировка 2-го и 3-го верхних ярусов не будет представлять больших затруднений; в крайнем случае со 2-м можно было бы поступить как с нижним.

Рассортировать можно по другому признаку, если кормовое достоинство растений известно сборщику, на хорошие, плохие, вредные в кормовом отношении и несъедобные.

Рассортированный урожай высушивается на воздухе „до сена“; все части урожая, смотря по сортировке, виды, ярусы и их преобладающие виды, сорта корма взвешиваются. Не лишне произвести взвешивание и в сыром виде для характеристики самих растений. Не лишне также сосчитать число кустов каждого преобладающего вида. Необходимо озаботиться о том, чтобы весь собранный материал не растерялся при переноске и, при сушке, не был растащен или частью съеден, т. к. ошибка от этого при перечислении на десятину будет значительна.

Так как возможно, что при учете урожая с делянок не будут еще определены растущие на них растения, то именуя и делянки и растения избранными номерами при описании учета урожая нужно озаботиться выполнением первой задачи, сбора гербария и ссылками, как при гербарных экземплярах на №№ полей и делянок, так и при описании делянок на №№ растений (гербарных экземпляров) связанных друг с другом.

При сообщении результатов учета в об-во необходимо представить все памятные записки: по выбору участков, делянок, по подсчету убранных кормов, взвешивание в сыром и сухом виде, все подробности взвешивания отдельных сборов и отдельных растений или групп растений, справки о времени сбора и гербарий, а также указания об отступлениях от данной инструкции.

Наконец, о третьей задаче мы будем говорить здесь, как об учете физико-географических условий жизни собранных растений и смотрим на нее, как на весьма нужную для исследования работу, но по условиям работы многих

школ, едва-ли осуществимую полностью в текущем году.

Поскольку жизнь одного ли растения, целого ли сообщества обуславливается почвой, ее свойствами, влажностью, освещением той или иной силой и рельефом, постольку всякое изучение растительности должно быть связано с изучением физико-географических условий и обратно. За указаниями относительно приемов исследования этих факторов мы по краткости статьи отсылаем читателя к тем учебным пособиям, какими имеет возможность пользоваться школа. Со своей же стороны рекомендуем только брать с пробных делянок образцы почвы и с №-м делянки отсылать их в общество. Выемка образца производится следующим образом: выкапывается яма с одной отвесной стенкой такой глубины, чтобы обнажились все слои почвы и часть подпочвы; затем осматривается стенка и определяется число различно окрашенных горизонтов и м. б. разной структуры, берутся образцы всех горизонтов и нумеруются сверху; верхний слой дерна толщиной в 1 дюйм не берется; толщина каждого образчика около 2-х дюймов, а больше—лучше; общий вес всего образца, всех горизонтов вместе около 2—5 фунтов. Образцы укладываются в коробки или в крайнем случае в бумагу; чем плотнее бумага, тем лучше, меньше искрошится и потеряет структуру образец. Дело исследователя представить образец характернее, со всеми особенностями и включениями. Этикетка необходима; в ней должны быть указания на время изъятия образца, толщину (мощность) горизонтов в действительности и местонахождения пробной делянки.

Считая краткое изложение задания законченным, мы добавим только следующее, что если читателям покажется оно заслуживающим выполнения, то мы думаем, что при работе над ним, не только оправдаются высказанные в начале соображения, но и более того, обычные учебные вопросы естествознания в частности по биологии растений, по изучению почвы, получат в этой работе богатый материал. Останавливаться же подробнее на чисто педагогических сторонах храбрости не позволяет характер журнала, в котором помещается статья.

Если же читатель найдет что либо недостаточным, спорным, вообще вызывающим обмен мнений, то он хорошо сделает если выскажет свои соображения письмом в Редакцию. Равно и на запросы читателей по поводу встретившихся затруднений в работе мы готовы ответить, если они будут направляться в Общество Исследователей Ряз. Края, Естеств-научное Отделение.

Кроме того, т. к. „лиха беда—почин“,

то всякая незаконченная работа, неудовлетворяющая самого исследователя, должна бы быть известной обществу. Не сделанное в текущем году будет dokonчено в будущем, была бы воля к началанию, раз возникло сознание полезности работы. Мы уверены, что в первый год хотя бы единицы начавших, но будут, т. к. школа ищет пути.

Е. И. Яблоков.

О Т Ч Е Т

о деятельности Общества Исследователей Рязанского края за 1923 год.

О-во исследователей Рязанского края, вступая в текущий 1924 год, насчитывает четыре года своего существования, исполнившиеся 2 янв. 1924 г. В нижеследующем предлагается краткий отчет о работе о-ва за 1923 год.

1. Состав о-ва.

К январю м-цу 1923 г. в состав членов о-ва входило 232 человека. За истекший 1923 год на очередных заседаниях о-ва были избраны: в действительные члены—С. К. Катаровский, А. И. Никитин, В. В. Синицын; в члены сотрудники—Елисеев и Луканин. Всего, таким образом, к январю 1924 года о-во насчитывает в ряду своих членов 237 человек.

2. Состав Правления о-ва.

В состав Правления о-ва в 1923 году входили следующие члены о-ва: в качестве председателя Правления Д. Д. Солодовников, зам. председателя Н. Г. Бережков, казначей Н. Ф. Кожевников, ученого секретаря М. Д. Маминина.

В состав президиумов секций входили следующие члены о-ва:

1) естественно-исторической—в качестве председателя проф. А. В. Белицер, тов. председателя—проф. В. Н. Джонс и П. Э. Штейнлехнер, секретарей—А. А. Лосева и Е. Б. Кеменова;

2) социально-исторической—в качестве председателя Н. Г. Бережков, тов. председателя В. С. Васильев и Н. В.

Горкин, секретарей В. В. Арбузова и Н. И. Мордовченко.

В состав ревизионной комиссии входили—В. И. Муравьев и М. А. Александрова, кандидатами—В. С. Пушкарев и Б. Р. Суслович.

К концу отчетного года из состава Правления выбыли—Н. Г. Бережков, Н. В. Горкин, Н. Ф. Кожевников (вследствие отъезда из гор. Рязани). Вакантные обязанности пришлось поделить между оставшимися членами Правления, на место казначея правлением был кооптирован член о-ва С. К. Катаровский.

3. Заседания о-ва и его органов.

В течение 1923 года состоялось одно общее, годичное собрание о-ва; 17 заседаний Правления, из них 3 происходили с участием представителей Губземупр., Губстатбюро, Губздравотдела, Управления Электросвета, Губсоюза, Губоно; заседания президиума о-ва и секретариата происходили еженедельно.

Естественно-историческая секция имела 5 очередных заседаний, на которых были заслушаны следующие доклады:

1) краеведческого характера.

И. Н. Казанский. Насекомые-вредители в Ряз. губ. в 1922 г.

Н. С. Яхонтов. Растения специалиста в сельском хозяйстве.

П. Э. Штейнлехнер. О климатическом лечении.

Державин. Солотча, как климатическое место лечения.

Н. С. Яхонтов. Погода Рязанской губ. в 1922—23 г.

Н. С. Кобозев. Цикл эрозии и изучение гидрографической сети Ряз. губ.; 2) обще-научного.

А. И. Васин. История и современное состояние радиотелеграфии:

А. В. Белицер. Из новостей бактериологии (о бактериофагах).

Социально-историческая секция имела 8 очередных заседаний, из них 2 совместно с ученым советом Ряз. Областного Музея: первое—„памяти Я. П. Полонского“ (по случаю исполнившегося 25-летия со дня его смерти), второе—посвященное чествованию известного историка Ряз. края и почетного члена о-ва С. Д. Яхонтова (по поводу 70 летия со дня его рождения). На заседаниях секции были заслушаны следующие доклады:

1) краеведческого характера.

Н. И. Лебедева. Рязань в работах Московских ученых.

Н. И. Панкратов. Материалы к исследованию народной песни Ряз. уезда.

Д. Д. Солодовников. Краеведение и школа.

А. А. Солодовников. Рязанская поэтесса А. П. Бунина.

Д. Д. Солодовников. Из гимназических лет Я. П. Полонского.

А. И. Никитин. Село Вослебово, Скоп. уезда.

Н. И. Мордовченко. План работ соц.-ист. отделения.

С. Д. Яхонтов. Биография Я. П. Полонского.

С. П. Рюмин. Поэзия Я. П. Полонского.

Н. И. Лебедева. Городок на р. Ли-стани близ с. Новоселок Ряз. уезда.

Н. И. Лебедева. Постройки Сапожковского уезда.

Н. Г. Бережков. История краевая и история народа.

2) обще-научного.

Е. И. Лукинская. Литературно-общественное движение 40-х годов и В. Г. Белинский.

Н. И. Мордовченко. Эстетика В. Г. Белинского (проблема искусства в его жизни и творчестве).

Работа о-ва за отчетный год протекала в следующих направлениях: научно-исследовательском, научно-про-

светительном и организационном. Результаты работ в этих направлениях соответственно не равны—организационная сторона деятельности о-ва существенно преобладала перед остальными.

4 Организационная деятельность.

а. Уездные отделения о-ва.

В целях распространения идей краеведения и оживления краеведческой работы во многих пунктах края были открыты следующие отделения о-ва: Елатомское, Ижевское, Скопинское, была возобновлена деятельность Спас-Клепиковского и Бусаевского отделений.

в. Курсы краеведения.

Привлечение к краеведческой работе нового запаса сил и подготовка молодых краеведов служили задачами курсов. Курсы были бесплатные; продолжались два месяца, в течение коих были проработаны следующие предметы: история Рязанского края, археология, этнография, диалектология, картография, история русского искусства, палеография. Число записавшихся было равно 68 человекам, средняя посещаемость лекций—12 человек. Кроме теоретических занятий были осуществлены экскурсионные и практические работы.

с. Краеведческий съезд.

Созыв 2-го краеведческого съезда был одним из наиболее важных моментов в работе о-ва за отчетный год. Цели его—объединение краеведов губернии, более отчетливое оформление характера краеведных работ и пропаганда идей краеведения. [Отчет о съезде см. в № 2 „Вестника Ряз. Краеведов“, а также № 15 „Нашего Хозяйства за 1923 г.“ и в № 3 „Краеведения“].

д. Организация экономического отделения.

Выполняя давнишнее желание о-ва наиболее реально и настоятельно выраженное на 2-м краеведческом съезде, Правлением было организовано экономическое отделение о-ва. В состав президиума отделения вошли следующие лица—председателем *Н. А. Ключарев* (зав. Ряз. Губстатбюро), тов. председателем *С. С. Лебедев*, секретарем *В. В. Арбузова*.

На заседаниях президиума отделения было в первую очередь постановлено—

привлечение к работе по возможности всех сил, заинтересованных в изучении экономической жизни ряз. края, установление полной согласованности работ с работами Губплана и, наконец, вовлечение в работу отделений о-ва.

е. Дело издательства.

Острый недостаток в средствах повел особенно скупно размерить издательскую деятельность. Но все же о-ву удалось на средства, отпускаемые Главнаукой, издать 2-й сборник своих „трудов“, куда вошла статья П. В. Карасева „материалы к исследованию флоры окрестностей города Рязани“, (см. рецензию в № 2 „Вестник Ряз. Краеведов“).

Совместно с Касимовским отделением о-ва было предпринято издание периодического органа „Вестника Рязанских Краеведов“.

5. Научно-просветительная деятельность.

Главная работа о-ва в этом отношении была направлена на установление связи со школами. Правлением разосланы целому ряду школ письменные призывы к краеведческой работе; разсланы также анкеты и вопросники. Проблеме „краеведения и школ“ было посвящено специальное заседание социально-исторического отделения, а также ряд заседаний Правления с представительством Губоно и его отделов.

Соорганизованы школьные краеведческие кружки в г. Рязани при общеобразовательных студиях, при школе 2-ой ст. Водного Транспорта, при 3-ей школе 2-ой ст., при Ряз. Пед. Техникуме. Под руководством Правления о-ва усиленно развивается дело школьного краеведения и в уездах. Имеются краеведческие кружки в школах Касимова, Спас-Клепиков, Михайлова, а также в некоторых сельских школах.

6. Научно-исследовательская деятельность.

Планы по сооружению экспедиций для исследования края за недостатком средств пришлось отложить—пришлось ограничиться индивидуальными командировками. Так, было произведено обследование Сапожковского уезда в этнографическом отношении действительным членом о-ва Н. И. Лебедевой; также, по поручению о-ва, собирались материалы

по этнографии Мещорского края действительным членом и ученым секретарем о-ва М. Д. Малининой.

Летом 1923 года под руководством Н. И. Лебедевой и при сотрудничестве слушателей краеведческих курсов были произведены археологические раскопки городка на р. Листани близ с. Новоселок. Естественно-исторической секцией о-ва под руководством М. Д. Малининой велись и ведутся работы по исследованию фауны окрестных водоемов и р. Оки.

Действительным членом о-ва А. А. Лосевой производится изучение р. Лыбеди в фаунистическом и флористическом отношениях.

7. Библиотека о-ва.

К 1 января 1924 г. библиотека насчитывает 585 названий, из них 226 по отделу „Рязанианы“, каковой должен составить основное ядро библиотеки; остальная часть—издания краеведческих обществ, получаемые в обмен и книги случайного характера.

В течение 1923 г. велись работы по инвентаризации и каталогизации книг; инвентарный каталог книг уже имеется, систематический (карточный) составляется. Вследствие того, что библиотека в течение отчетного года находилась в стадии организации, систематической выдачи книг производиться не могло—библиотекой пользовались лишь члены Правления о-ва.

В обмен на издания о-ва в библиотеку получались труды и издания многих краеведных организаций России (список поступивших в библиотеку изданий в количестве 44, опубликован во № 2 „Вестника“).

При работе по инвентаризации и каталогизации „Рязанианы“, состоящей в большей своей части из трудов и изданий Рязанской ученой архивной комиссии, возникла мысль о составлении библиографии Ряз. края.—19 ноября 1923 г. социально-историческое отделение о-ва составление библиографии края выдвинуло в разряд первоочередных своих работ. И в течение второй половины ноября и всего декабря 1923 г. параллельно с работами по составлению систематического каталога библиотеки, велись и библиографические работы.

8 Связь о-ва с другими учреждениями.

Во все годы существования о-ва оживленному характеру его работы в громадной степени способствовала тесная связь его с рядом других учреждений. Эту прекрасную традицию в отчетном году Правление старалось поддерживать всеми силами. В работе о-ва принимали участие Ряз. медицинское о-во, Губстатбюро, Губархив, Губземотдел, Губсоюз, Полтехникум и особенно Гос. Областной Музей.

Совместно с музеем устраивались заседания; упомянутые научные командировки были в равной степени выполняемы как для о-ва, так и для музея; члены ученого совета музея неизменно

входили представителями в Правление о-ва. В настоящее время музеем предоставлено о-ву в бесплатное пользование 5 комнат, где о-во развернет библиотеку, свои научные кабинеты и лаборатории и таким образом осуществит свои давние планы.—Совместно с музеем в настоящее время разрабатывается проект организации биологической станции.

Председатель о-ва исследователей
Ряз. края *Д. Солодовников.*

Ученый секретарь о-ва *М. Малинина.*

Настоящий отчет о-ва принят и утвержден общим собранием членов о-ва 25 янв. 1924 г.

О Т Ч Е Т

о приходе, расходе и остатке денежных сумм Общества Исследователей
Рязанского края за 1923 год.

Дебет.

Кредит.

Наименование прихода.	Сумма дензнак. 1923 г.	Наименование расхода.	Сумма дензнак. 1923 г.
Сальдо на 1 янв. 1923 г.	23 —		
Поступило из госбюджета по кред. уведомлениям Губоно:		Израсходовано:	
По § 1 ст. 3 на содержание личного состава	100354 30	На содержание личн. состава	100354 30
По § 8 на отопление	158 21	На отопление	158 21
По § 13 ст. 1 на издательство	2000 —	На издат. трудов общества	49800 —
По § 13 ст. 2 на типогр. расх.	3200 —	На содержание месткома	66 70
По § 14 ст. 4 на содержание месткома	66 70	На социальное страхование	26803 04
По § 16 ст. 2 субсид. обществу	5500 —	На организацию краеведческо- го съезда	13150 —
По § 18 ст. 3 соцстрахование	26803 04	Выдано субсидий	6530 —
По § особо последнему на до- полнительную зарплату	30 —	Израсходовано на хозяйствен- ные, канцелярские и др. расходы	93512 60
Поступило членских взносов	627 —	Куплено в губсоюзе 100 экз. книги: „Прошлое Рязани“	4358 70
Пожертвовано губсоюзом	4450 —		
Пожертвований и других по- ступлений	186694 30	В с е г о	294763 55
В с е г о	329883 55		
Всего прихода в 1923 г.	329883 55	Всего расхода в 1923 г.	294763 55
Сальдо на 1 января 1924 г.	23 —	Сальдо на 1 января 1924 г.	35143 —
Б а л а н с	329906 55	Б а л а н с	329906 55

Председатель О-ва *Д. Солодовников.*

Ученый Секретарь *Н. Мордовченко.*

ХРОНИКА.

5-я сессия Ц. Б. К.

С 15—19 января с. г., в Ленинграде, состоялась 5-я сессия центрального бюро краеведения при Российской академии наук, каковая собрала свыше 150 человек.

Присутствовали на сессии ряд представителей краеведных учреждений из разных частей СССР.

Отчет о работах сессии и принятые резолюции будут напечатаны в 3-м № органа Ц. Б. К. „Краеведение“.

На заседаниях сессии были сделаны следующие доклады: Д. О. Святский и Н. А. Дорогутин—„отчет ЦБК о своей работе за период с 4-й по 5-й сессии“, В. М. Савич—„о краеведной работе на Дальнем Востоке“, Б. Э. Петри, А. Я. Тугаринов, В. Ф. Семенов и П. Л. Драверт—„О краеведной работе в Сибири“, Д. Н. Кашикар и П. И. Умняков—„о краеведной работе в Туркестане“, С. А. Захаров, Д. М. Павлов, Е. М. Юшин—„о краеведной работе на Кавказе“, М. В. Птуха—„о краеведной работе на Украине“, В. И. Пичета—„о краеведной работе в Белоруссии“, П. И. Лебедев и С. А. Вязигин—„о краеведной работе на юго-востоке России“, А. Г. Генкель—„о краеведной работе на Урале“, Д. А. Золотарев—„о краеведной работе в остальных частях Великороссии“.

С информационными докладами о краеведении за границы выступали: С. Ф. Ольденбург—„о краеведной работе во Франции, Германии и Англии“, А. А. Спицын—„о краеведной работе в Литве“ и А. И. Дзенс-Литовский—„о краеведной работе в Эстонии и Латвии“.

С докладами на общие темы выступали: акад. С. Ф. Ольденбург—„о привлечении к краеведной работе национальных групп“, акад. А. Е. Ферсман—„об организации краеведной работы на местах и об очередных задачах краеведных учреждений в деле изучения производительных сил“, проф. В. В. Богданов—„о составлении краевой библиографии“, проф. Лебедев—„об изучении областей СССР в гидробиологическом отношении“, В. В. Богданов, Д. О. Святский и Н. А. Дорогутин—„об областных бюро краеведения и ассоциациях по изучению областей СССР“, П. И. Сырников—„о задачах и работе студенческой секции“, акад. А. Е. Ферсман—„о созыве 2-го всесоюзного съезда по краеведению“, Н. А. Дорогутин и Д. О. Святский—„о составлении сборников по „истории краеведного дела в России“, А. Я. Тугаринов—„сводка местных материалов, как основа краеведческой работы“, В. П. Семенов—Тян-Шанский—„о необходимости содействия краеведному изучению Карелии“, А. Ф. Шидловский—„о биобиблиографии по краеведению“.

Был проведен экскурсия: в Центральный Географический Музей и Русский Музей.

Президиум Ц. Б. К. переизбран сессией в следующем виде: почетный председатель—акад. А. П. Павлов (Москва), председатель бюро и председатель Ленинградск. отделения—акад. С. Ф. Ольденбург, зам. председателя и председатель Московск. отд.—проф. В. В. Богданов; товарищи председателя—проф. Б. М. Житков (Москва), проф. Н. М. Каринский (Москва), проф. В. П. Семенов—Тян-Шанский (Ленинград), проф. В. М. Соколов (Москва), проф. Ю. М. Шокальский (Ленинград), акад. А. Е. Ферсман (Ленинград), учеными секретарями—Н. А. Дорогутин (Москва), Д. О. Святский (Ленинград).

Журнал „Краеведение“.

Периодический орган центр. бюро краев. выйдет в 1924 г. в виде 3-х №№. Состав редакционной коллегии утвержден Госиздатом на 1924 г. в следующем составе: редактор—акад. С. Ф. Ольденбург, члены редакции: В. В. Богданов, И. М. Гревс, Н. А. Дорогутин, Д. О. Святский, А. Е. Ферсман.

2-й всесоюзный съезд по краеведению.

2-й всесоюзный съезд по краеведению состоится в Москве осенью 1924 года. Работы съезда будут разбиты по следующим секциям: 1) общего краеведения, с подсекцией фольклора и языка, 2) экономики и производительных сил, 3) музейную, 4) архивно-историческую, 5) школьного и экскурсионного краеведения, 6) любителей миропознания.

Конференция по изучению производительных сил центр. пром. области.

Со 2—11 февраля, в Москве, состоялась конференция по изучению производительных сил центр.-пром. области, созванная госпланом.

На заседаниях конференции был заслушан целый ряд докладов, касавшихся изучения производительных сил области. При конференции работали следующие секции: 1) сельско-хозяйственная, 2) недр, 3) промышленности, 4) транспорта, 5) организации планового хозяйства и топлива, 6) по изучению человека и краеведению.

Доклады, заслушанные на конференции и протокол конференции, печатаются в „Трудах Госплана“.

В работах конференции принимали участие зам. председателя об-ва исслед. Ряз. края М. Д. Малинина и ученый секретарь об-ва Н. И. Мордовченко.

С докладами, касавшимися отдельных сторон изучения Рязанского края выступали следующие рязанцы: Н. С. Яхонтов — „фосфориты Рязанского края“, Георгиу — „крахмально-паточная промышленность в Ряз. крае“, В. В. Синицын — „организация изучения производительных сил в области“ и Н. И. Мордовченко „о краеведной работе в Рязанском крае“.

Обследование краеведной работы на местах.

Президиум центрального бюро краеведения при Р. А. Н. подал в Главнауку докладную записку, в которой затрагивает вопрос о необходимости регулярных выездов членов ЦБК на места для обследования краеведной работы, ведущейся на местах, и о необходимости ассигнования ЦБК соответствующих сумм для такого рода поездок.

В случае благоприятного разрешения

вопроса — в начале лета состоится поездка председателя ЦБК — акад. С. Ф. Ольденбурга совместно с учеными секретарями ЦБК — Д. О. Святским и Н. А. Дорогутиным, предполагающими посетить ряд областей СССР, для ознакомления с краеведной работой, ведущейся в этих областях.

Библиографическая комиссия Ц. Б. К.

В связи с постановлением 5-й сессии ЦБК о необходимости разработки основ краевой библиографии при Московском отделении ЦБК организована библиографическая комиссия, которой поручено разработать указанный вопрос.

В состав комиссии входят: Б. С. Бондарский (председатель русского библиографического об-ва), Н. А. Дорогутин (член президиума ЦБК), Н. В. Эдобнов (председатель Сибирской библиографической комиссии русск. библиограф. об-ва), Н. П. Киселев (от биб-ки Румянцевского музея), В. А. Крандиевский (зам. председателя книжной палаты), К. В. Сивков (от биб-ки росс. исторического музея), А. Н. Турунов (пом. ученого секретаря ЦБК, Сибирский библиограф). Председателем комиссии состоит — К. В. Сивков, секретарем — А. Н. Турунов.

Комиссия уже имела 9 заседаний. Ею разрабатываются следующие вопросы: 1) организация библиографической работы на местах (сюда входит учет существующих попыток библиографических работ и провинциальных работников — библиографов, условия работы в провинции, характеристика книжных фондов и т. д.);

2) Масштаб работ по территориальному признаку (т. е. чем руководствоваться при определении изучаемого района — культурно-историческими традициями, административным ли делением, планом ли экономического районирования и т. д.);

3) Объем изучаемого материала по типу издания и в хронологическом порядке (библиографического описания рукописных материалов, работ напечатанных на иностранных языках и т. д.).

4) Каталогизация;

5) Классификация;

6) Работы по собиранию материалов к био-библиографическим словарям.

Протокол заседаний комиссии президиум ЦБК рассылает ряду провинциальных библиографов—краеведов. от коих комиссия получает замечания, их мнения по ряду вопросов, затрагиваемых комиссией, отзывы и пр.

На одном из последних заседаний комиссия обсуждала подробную докладную записку Костромского библиографа—В. И. Смирнова, затронувшего ряд вопросов по краевой библиографии.

С большим вниманием и интересом за работами комиссии следит Госплан и др. учреждения.

Комиссия предполагает закончить свои работы в конце мая.

Результаты работ комиссии будут опубликованы центр. бюро краеведения в виде сборника „основы краевой библиографии“.

В обществе исследователей Рязанского края.

25 января с. г. состоялось годовичное собрание членов О-ва. Вниманию собравшихся был предложен отчет о работе о-ва за 1923 год—ученым секретарем о-ва М. Д. Малининой; также финансовый отчет казначеем о-ва С. К. Катаровским. Председатель о-ва Д. Д. Солодовников доложил вопрос об изменении устава о-ва и о необходимости принятия нормального устава научных о-в. С некоторыми дополнениями нормальный устав был принят. Затем произошли перевыборы Правления о-ва; избранными оказались: Председателем о-ва—Д. Д. Солодовников, зам. председателя—М. Д. Малинина, ученым секретарем—Н. И. Мордовченко, казначеем—С. К. Катаровский.

3-й областной съезд по краеведению.

Во второй половине сентября 1924 г. обществом исследователей Рязанского края созывается 3-й областной краеведческий съезд, который имеет целью не только очередной обмен достижениями в Рязанском краеведении между разными органами и учреждениями, ведущими краеведческую работу, но также и установление систематической плановости и согласованности в этой работе. Правление о-ва исследователей Рязанского края мыслит себе представить на съезде сводки и итоги изученности края в разных областях: в области изучения есте-

ственных богатств края, его климата, флоры, фауны, наконец в области истории, этнографии и т. д.

Усиленное внимание предполагается обратить на вопросы экономического исследования области и на контакт в этом отношении с Губпланом и на организацию школьного краеведения.

Экономическое отделение общества исследователей Рязанского края.

Экономическим отделением разработан план экономического обследования губернии. Составителем плана является тов. председателя отделения инж. С. С. Лебедев. План утвержден правлением о-ва и имеет быть опубликованным в ближайших номерах журнала.

Экономический отдел Рязанского областного музея.

Рязанский областной музей приступил к организации экономического отдела. В основание отдела положены: коллекции с губернской сел. хоз. выставки, состоявшейся осенью 1923 г. в Рязани, семенной музей губпродкома, доселе существовавший отдельно. Названные коллекции переданы музею губземотделом и Губпродкомом. Сюда же будут присоединены коллекции б. кустарного музея Рязанского земства, составлявшими кустарный отдел Рязанского областного музея.

Отдел развертывается в помещении б. типографии, в Рязанском кремле, и составляет неотъемлемую часть областного музея.

Во главе отдела поставлен агроном *Б. Н. Натальин*. Его помощником состоит заведующий кустарным отделом областного музея *Н. А. Кособрюхов*.

Биологическая станция.

Совместно с государственным областным музеем обществом исследователей Рязанского края организуется биологическая станция. Станция начинает свою работу с весны 1924 г. и будет помещаться в областном музее. Во главе организационных работ стоит зам. председателя о-ва исследователей Рязанского края М. Д. Малинина. Под ее руководством, пользуясь пока зоологической лабораторией педтехникума, работает группа лиц над изучением гидрофауны прибрежной зоны водоемов поймы Оки;

изучается фауна ближе относящаяся к Дунайчику — исследуются собранные летом прошлого года экземпляры.

Работы по изучению фауны края.

Завед. естественно-историческим отделом областного музея *Э. А. Бекштрэм*, возвратившись из месячной научной командировки из Москвы, вновь выехал в Спас-Клепиковский уезд, где им ведутся работы по изучению фауны севера Рязанского края. Весной работы *Э. А. Бекштрема*, проведенные им зимой, будут выявлены в ест.-ист. отделе областного музея. Им изготовлен целый ряд биологических групп, характеризующих зимнюю фауну лесистой части Рязанского края. Научным сотрудником областного музея *А. В. Кузьминым* ведутся работы по изучению моллюсков Рязанского края.

Гидрогеологическое изучение Рязанской губернии.

Проф. В. А. Жуковым передана о-ву исследователей Рязанского края рукопись на тему: «гидрогеологический очерк долины р. Оки от с. Дединова до с. Сельцы в Зарайском уезде, Рязанской губ.», которая будет напечатана в одном из очередных выпусков «трудов» о-ва. Настоящая работа является первой главой большой работы автора, явившейся в результате произведенных им исследований в области гидрогеологии р. Оки, в пределах Рязанской губернии. Исследование было предпринято по поручению Управления по сооружениям водного хозяйства ГКГС, в целях изучения общих физико-геологических, геологических и гидрогеологических условий долины р. Оки в районе прорванной Белоомутской плотины в связи с проектировавшимся восстановлением последней. Исследование было произведено в сентябре и октябре 1919 г. Остальные главы работы, разработкой которых ныне занят автор, также будут переданы о-ву.

Археологические работы предстоящим летом.

В мае в Рязань выезжает проф. В. А. Городцов для проведения археологических раскопок в б. архиерейском саду в г. Рязани, принадлежащем ныне областному музею. Сад расположен на месте древнего Рязанского кремля. Летом намечаются также археологические рас-

копки в Касимовском и Зарайском уездах, инициатива которых принадлежат Касимовскому и Зарайскому музеям. Раскопки будут проведены под руководством члена Московского Научно Исследовательского Института археологии и искусствознания *Н. И. Лебедевой*, которая является одной из ближайших учениц проф. В. А. Городцова. Все вещи, добытые при раскопках поступят в музей Рязанского края.

Этнографические работы.

Этнографическое обследование Рязанского края будет вестись летом зав. этнографическим отделом музея *М. Д. Малининой*, которая в связи с этим предполагает совершить ряд научных поездок по краю.

В мае в Рязань выезжает Московский этнограф проф. Б. А. Куфтин с экскурсией своих учеников, который предполагает провести ряд показательных обследований в этнографическом отношении окрестностей г. Рязани.

Древняя иконопись Рязанского края.

В мае в Рязань выезжает известный знаток древнего русского искусства, профессор Московского Университета *А. И. Анисимов* для изучения предметов иконописи, находящихся в отделе древне-русского искусства Рязанского областного музея.

В октябре 1923 г. проф. А. И. Анисимовым совместно с директором Рязанского музея С. Д. Яхонтовым было проведено обследование церквей г. Рязани и тогда же проф. А. И. Анисимов заинтересовался некоторыми высоко-художественными предметами иконописи, находящимися в Рязанском музее.

Новая работа по Рязанскому краю.

В марте с. г. в научно-исследовательском институте археологии при 1-м университете член о-ва исследователей Рязанского края *Н. И. Лебедева* сделала доклад на тему: «кольца и перстни Рязанского края», явившийся результатом ее работ над соответствующими материалами в Российском историческом и Рязанском областном музеях.

Изготавливаемых работ по Рязанскому краю.

Ученый секретарь о-ва исследователей Рязанского края *Н. И. Мордовченко*

ныне приступил к составлению работы о рязанцах-декабристах. Среди последних видное место занимает М. С. Лунин.

Член о-ва *Б. И. Алексеев* занят составлением монографии о художнике Архипове, уроженце Рязанского края.

Член о-ва *Н. А. Дорогутин* работает над материалами по аграрному вопросу и аграрному движению в Рязанском крае. Им же составляется библиография литературы по указанным вопросам.

Рязанский областной музей в скором времени предполагает выявить результаты научных работ ученого персонала музея над коллекциями музея. Сборник статей по этому вопросу поручено редактировать *С. Д. Яхонтову* и *А. И. Фесенко*.

Избрание П. И. Процерова.

Первый председатель о-ва исследователей Рязанского края *П. И. Процеров* избран Тимирязевской сел.-хоз академией в Москве—ассистентом по кафедре химии.

Академик Скрябин в Рязани.

В марте 1924 г. Рязань посетил академик К. И. Скрябин. В естественно-историческом отделении о-ва исследователей Ряз. края им был прочитан доклад „Районное обследование гельминтофауны“. Академик К. И. Скрябин избран действительным членом о-ва.

Приезд Н. Г. Машковцева в Рязань.

23-го марта Рязань посетил заведующий музейным подотделом Главмузея *Н. Г. Машковцев*, обследовавший работу Рязанского областного музея. Совместно с Н. Г. Машковцевым состоялось заседание ученого совета Рязанского музея.

Новые члены корреспонденты центрального бюро краеведения.

5-я сессия центрального бюро краеведения при Российской Академии Наук, состоявшаяся с 15—19 января с. г. в Ленинграде, избрала в состав своих членов корреспондентов от Рязанского края (в дополнение к ранее избранным): Председателя естественно-исторического отделения о-ва исследователей Рязанского края *проф. А. В. Беллицера* и Председателя Зарайского о-ва любителей естествознания и краеведения *А. В. Иванова*.

Объединение библиотек в Рязани.

Директором центральной библиотеки в Рязани *В. С. Пушкиаревым* подана через Губоно в Губисполком докладная записка о необходимости объединения существующих разрозненно в Рязани библиотек и организаций единой публичной библиотеки.

Памяти Я. П. Полонского.

По случаю исполнившегося двадцатипятилетия со дня смерти уроженца Ряз. края Я. П. Полонского, о-вом исследователей Ряз. края совместно с союзом Раброса был устроен концерт-вечер его памяти. Вечер состоялся 21 февраля с. г. в актовом зале РИНО. С речами выступали: „Школьные годы Полонского“ *Д. Д. Солодовников*; „Муза Полонского“ *Н. И. Мордовченко*. Любительскими хорами исполнялись наиболее популярные песни поэта, читались его стихи.

Концерт собрал около тысячи человек, преимущественно учащейся молодежи.

Краткий обзор работы Касимовского отделения об-ва в 1923 г.

Членов отдел. общества состоит 46 человек. В состав правления входят: *И. А. Китайцев* (председатель), *В. И. Кислов* (замест. председ.), *А. А. Мансуров* (секретарь) *Б. К. Лебедев* и *В. И. Серебренников* (члены правления).

Организационная деятельность отделения выразилась 1) в открытии новых краеведческих ячеек (по поручению правл. об-ва исслед. Ряз. края были открыты отделения об-ва в г. Елатье и в с. Гиблицах) и 2) в издании журнала „Вестник Рязанских Краеведов“.

В отношении научно-просветительной деятельности главное внимание было обращено на сближение со школой и на пропаганду школьного краеведения. На курсах по переподготовке было прочитано членами об-ва ряд лекций (см. № 1 этого журнала), зимой продолжалась начатая работа путем докладов на темы школьного краеведения на волостных собраниях школьных раб-ков. Учительство втянуто в эту работу. По всему Касимовскому уезду за истекшую зиму было прочитано на волостных собраниях 48 докладов краеведческого характера.

В помощь учителям уезда были составлены и разосланы по уезду следующие методико-краеведческие пособия А. М. Усков и А. А. Мансуров—„Обществоведение в школе I ст.“ (детализация программы—минимум Губоно на основах краеведения) и Л. Д. Шустова „Методические указания по природоведению“. Результатом принятых шагов было то, что многие школы приняли деятельное участие в изучении края и в сборании экспонатов для местного музея.

Для популяризации идей краеведения было сделано несколько выступлений с докладами на различного рода общественных собраниях, съездах, а также чтения в избах-читальнях (напр. в Гиблицкой, Ерахтурской, Бетинской волостях).

Отделение об-ва имеет свою библиотеку, которая несмотря на свою незначительность, очень усиленно читается.

В местной газете „Красный Восход“, о-во время от времени освещало отдельные этапы жизни отделения и музея, а также печатало различные заметки краеведческого типа. Из числа последних следует указать на „Очерки Мещеры“ и „Изучение родного края“.

В целях обеспечения научного исследования края отделение широко развило собирательскую деятельность. Все собранные предметы передавались в музей, который за 1923 год благодаря содействию об-ва обогатился на 1364 экспоната, из которых 535 падают на этнографический, 239 на археологический, 83 на естественный, 452 на экономический и 55 на остальные отделы.

Значительные коллекции собраны по фольклору (русскому и татарскому), продолжался сбор материалов для составления словаря местных наречий и географической хрестоматии края, но все это является пока еще сырым материалом, правда, довольно богатым, но требующим дальнейшего пополнения, научной обработки.

Законченными результатами работ членов об-ва в различных областях знания, являются следующие напечатанные труды:

1. Л. П. Чекина „Орлиное гнездо“ (историч. очерки. Изд. Касим. отд.);
2. Ф. А. Соколов „Залежи черного дуба близ г. Касимова“ („В. Р. К.“ № 2);

3. И. А. Китайцев „Опыт исследования набойки в Касимовском уезде“ („В. Р. К.“ № 2);

4. А. А. Мансуров „К восстановлению границ Касимовского кремля“ („В. Р. К.“ № 3) и приготовленные к печати;

5. И. С. Гагин „Историческое объяснение о древнем городце“ (под редакцией и с предисловием А. А. Мансурова);

6. И. С. Гагин „О достопамятности города Касимова“ (под редакцией А. А. Мансурова);

7. А. В. Щербаков „Народная поэзия Гиблицкой волости Касим. уезда“.

В работе своей Касимовское отделение поддерживало тесную связь с обществом иссл. Ряз. края и центр. бюро краеведения, а также с местным Уоно.

Деятельность Михайловского отделения в 1923 г.

В состав отделения входят 30 членов, не считая учащихся педтехникума и школы 2 ст. Правление состоит из следующих лиц: М. В. Бабкина, М. Д. Осипцева и Н. М. Котельникова.

На собраниях отделения о-ва были заслушаны доклады М. В. Бабкина 1) „Крестьянское право в Михайловском уезде“, 2) „Историческое прошлое города Михайлова“, 3) „о необходимости пропаганды идей по изучению родного уезда“.

Кроме того, совместно с учащимися школы 2 ст. были совершены экскурсии: в с. Городище-Поярково и на курган, близ с. Б. Коровина, где члены познакомились с историческими местами своего уезда.

Отделение народного образования в работах отделения о-ва принимало самое живое участие, привлекая для этого не только школьных работников, но и учащихся школ, особенно 2 ступени.

Одновременно работа отделения общества шла совместно и с уездным архивом.

Уездный архив в отчетном году имел уже 40 архивных фондов, а именно: городской управы, полиции, казначейства, училищного совета, воинского начальника, сиротского суда, мещанского старосты, волостного правления, городского магистрата, квартирной комиссии и др.

Кроме того, была сделана попытка

установить связь с с.-хоз. музеем уездоуправления, имеющимся в городе Михайлове с довольно богатым подбором экспонатов по с.-х. уезда и с метеорологической станцией того же управления, находящейся в б. Покровском женском монастыре, заведующим коей на собраниях членов отделения о-ва велись беседы по наблюдению за погодой.

Отделение общества имело и свой музей, находящийся в помещении школы 2 ст. города, в котором насчитывается более 200 экспонатов, отражающих жизнь родного уезда.

В нем собраны некоторые этнографические коллекции, коллекции по зоологии, ботанике, геологии, почвоведению, коллекции монет, денежных знаков и пр., имеются работы членов: исследование р. Прони в Свистове (фосфоритов), историческая роль города Михайлова и др.

К сожалению, помещение музея крайне недостаточное, не позволяющее широко развернуть свою работу.

При музее имеется и библиотека отделения о-ва, насчитывающая более 200 экз. книг, преимущественно краеведческого характера.

В октябре месяце отд. о-ва командировано членов отделения на 2 краеведческий съезд в г. Рязани Н. М. Котельникова и А. Г. Данилина, последнего кроме того и в г. Кострому.

Отделению общества приходилось принимать меры и по охране памятников старины, так минувшим летом удалось; при содействии губмузея, приостановить ломку единственно уцелевшего в городе памятника старины „каменной палатки для подушного сбору“, как постройки конца XVIII века. Кроме того, отделение обращалось в уисполком о приостановлении рубки красивейшего парка, находящегося в б. имении села Красного.

За последнее время отделение о-ва приступило к собиранию материалов для составления сборника, имеющего осветить, по возможности, со всех сторон жизнь Михайловского уезда в его прошлом и настоящем.

Ижевское отделение об-ва.

В данный момент отделение насчитывает 28 членов, из них 16 работников просвещения. В текущем году было два

общих собрания, на которых производилось ознакомление членов с краеведческой работой и с методами ведения ее.

Еженедельно в избе-читальне происходят вечерние собрания для ознакомления с историко-статистическим материалом местного края. Доклады делают члены отделения.

Гиблицкое отделение об-ва.

Председатель отделения А. В. Щербаков закончил свой труд «Метеорологические и фенологические наблюдения в Гиблицкой вол. за 25 лет с 1898—1923 г.» и приступил к другой работе: „Рождаемость, смертность и брачность в Гиблицкой волости с 1841 по 1923 г.“.

Продолжалась популяризация идей краеведения путем чтения соответствующих лекций и докладов в избе-читальне.

Выпущено воззвание общества к населению, в котором обрисовываются главные его задачи.

4 мая состоялось торжественное заседание об-ва и выставка экспонатов по случаю полугодия и дня открытия отделения. Наряду с докладами отчетного характера были заслушаны доклады Н. Н. Первова: „О толщине снежного покрова за зиму 1923—24 г.“, С. И. Шамина „О разливе оврага «Цавли» в 1924 г.“ и А. В. Щербакова «организация исследовательских работ в весеннее и летнее время».

Кроме того, отделением были устроены некоторые геологические экскурсии. На ближайшее время предполагается исследование залежи местной руды.

Сапожковское отделение понесло тяжелую потерю в лице умершего 1 марта 1924 г. деятельного краеведа Ивана Андреевича Чинякова, скончавшегося на 47 году жизни от рака брюшной полости.

Юбилей Спасского музея.

1-го марта с. г. по случаю исполнившегося пятилетия Спасского музея было созвано торжественное заседание Спасского отделения об-ва исследователей Рязанского края с представителями местной администрации.

Юбиляра приветствовали представители Уисполкома и Укома. Далее были сделаны доклады „об истории основания музея“—С. А. Сальхиным, „Краеведение и музей“—А. М. Постниковым и „Выдаю-

щиеся экспонаты музея"—А. Ф. Федоровым.

Открытие Касимовского музея.

9-го марта Касимовский краевой музей отпраздновал свое открытие в новом обширном помещении, которое он получил в декабре 1923 года.

Касимовское отделение об-ва в день открытия устраивало торжественное собрание с участием местных партийных, административных и профессиональных органов.

Реорганизация Зарайского музея.

12-го февраля с. г., в Зарайске, состоялось соединенное заседание Правления Зарайского об-ва любителей естествознания и краеведения и ученого персонала Зарайского музея совместно с приехавшими в Зарайск представителями Москвы и Рязани, созванное по вопросу о дальнейшей работе Зарайского музея. От Москвы присутствовали: представитель отдела музеев главнауки С. П. Григоров и ученый секретарь центрального бюро краеведения при Российской Академии Наук Н. А. Дорогутин; от Рязани—зам. директора Рязанского областного музея А. И. Фесенко и тов. председателя об-ва исследователей Рязанского края и член ученого совета Рязанского музея М. Д. Малинина. На заседании принял также участие научный сотрудник государственного музейного фонда Б. И. Алексеев.

Заседание вынесло постановление о необходимости реорганизации Зарайского музея в целях превращения его в краевой музей, отражающий культуру и природу Зарайского края. Вынесено пожелание о необходимости объединения культурно-исторического музея с музеем естественно-историческим, существовавшим доселе отдельно в общем помещении, находящимся в Зарайском кремле.

Присутствовавшими представителями Москвы и Рязани была отмечена громадная работа, проведенная персоналом Зарайского музея, в деле вывоза и сохранения памятников старины и искусства и б. барских имений Зарайского уезда.

Краеведение и школа.

В с. Ижевском, (Спасск. уезда), при

участии и содействии члена общества исследователей местного края В. Бакулина, основан краеведческий кружок: учащиеся при школе II ступени, который ведет метеорологические записи при школе, готовится к наблюдению и записям вскрытия рек, высоты половодья и состояния грунтовых вод (наблюдения над колодцами) по анкетам Гидрологического Института. Начато и ведется изучение местных свадебных и других обрядов; изучается и готовится к постановке на сцене „Ижевская Свадьба 70-х годов“ прошлого столетия, инсценированная по записям и воспоминаниям того времени. Все члены кружка ведут записи песен, сказок и частушек.

Весной предполагаются экскурсии по окрестностям при участии преподавателей школы.

В с. Гиблицях, (Касим. уезда), дело школьного краеведения развивается. Учащиеся школы 2 ступени под руководством А. В. Щербакова собрали значительный материал по местному фольклору и этнографии, а также произвели ряд довольно интересных обследований края в естественно-историческом отношении.

Спасское отделение привлекло к краеведческой работе несколько учащихся старших групп школы II ступени. На уездной конференции школьных работников С. А. Сальхин делал доклад о необходимости участия школьных работников в исследовательской работе по изучению края.

Елатомское отделение обратилось к школьным работникам уезда с призывом принять участие в работах общества и с указаниями, какого рода помощь от них ждет общество.

Сапожковское отделение предприняло меры к вовлечению школьных работников в сферу краеведческой работы, для чего разосланы им планы и программы работ в этой области.

Весною 1923 года читались лекции по краеведению учащимся школы II ступени и на уездном съезде школьных работников.

